

ISBN 978-601-227-317-5

ТИМОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2-Я ПРАВОСЛАВНАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ



Костанай
2023

УДК 27
ББК 86.37
Т41

Рекомендовано к печати Комитетом по делам религий Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан № KZ47VNM00001029 от 29.11.2023 года

Редакционная коллегия

Председатель: иеромонах Геннадий (Бурдюжа), секретарь Костанайской и Рудненской епархии

Члены редколлегии:

- Иерей Андрей Крутин, руководитель отдела по канонизации святых Костанайской и Рудненской епархии
- Иеродиакон Мефодий (Чулков), сотрудник отдела по канонизации святых Костанайской и Рудненской епархии.
- Ковалева А. О., заведующая канцелярией Костанайской и Рудненской епархии

Т Тимоновские чтения : материалы 2 -й Православной международной научно - практической конференции, 1 -2 июня 2023 г. – Костанай: МРО «Костанайская и Рудненская епархия Православной Церкви Казахстана», 2023 – 110 с.

ISBN 978-601-227-317-5

В данном сборнике представлены материалы 2 -й Православной международной научно -практической конференции «Тимоновские чтения», прошедшей 1 -2 июня 2023 года в г. Костанай. В сборнике собраны научные статьи по истории Православия на Костанайской земле. Материалы конференции будут полезны не только историкам, краеведам, специалистам по истории Церкви, но и широкому кругу читателей.

УДК 27
ББК 86.37

ISBN 978-601-227-317-5

© МРО «Костанайская и Рудненская епархия Православной Церкви Казахстана», 2023



**Организаторам и участникам
международной научно-богословской II-й конференции
«Тимоновские чтения»**

Всечестные отцы, дорогие братья и сестры!

Приветствую организаторов и участников 2-й международной научно-богословской конференции «Тимоновские чтения».

Вчера, 31 мая, в Казахстане был особый день – мы вспоминали память жертв политических репрессий. В степных лагерях, под палящим зноем и в лютом холоде терпели жестокие страдания невинно осужденные представители разных национальностей и религий. Неправда идеологии, в жертву которой было принесено бесчисленное число жизней наших соотечественников, сегодня стала очевидной для всех. Никакими самыми прекрасными мечтами о светлом будущем невозможно оправдать преступление против Божией заповеди «не убий». Бесценное сокровище - челове-

ская жизнь - дарована каждому из нас Всеблагим Творцом. И забота о сохранении этот бесценного дара побуждает людей разных религиозных и политических взглядов относиться друг к другу с уважением и доверием.

Наша сегодняшняя встреча приурочена к знаменательной дате – 20 лет исполнилось с момента учреждения на территории Казахстана Митрополичьего округа. В своем слове по случаю этого памятного события Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отметил: «Сегодня Православная Церковь в Казахстане с тщанием и ответственностью выполняет свою спасительную миссию, занимается социальным служением и благотворительностью, утверждает идеалы добра и милосердия, содействует гармонизации межрелигиозных и межэтнических отношений, вносит вклад в созидание мира и гражданского согласия, заботится об укреплении традиционных семейных ценностей, способствует сохранению, культурного наследия».

Митрополичий округ образован два десятилетия назад, но всем нам важно помнить самим и свидетельствовать обществу о том, что история Православной Церкви Казахстана уходит корнями в глубокую древность. Летописные источники говорят о проповеди христианства на просторах Центральной Азии в апостольские времена. Совсем недавно мы вспоминали 150-летие образования Туркестанской епархии, первым иерархом которой стал архиепископ Софония (Сокольский) – подвижник и молитвенник, неутомимый труженик на ниве Христовой, апостол Великой степи. За время активной проповеди, которую осуществляли на земле Казахстанской архипастыри, духовенство и благочестивые миряне, вера Христова укрепилась и принесла обильные плоды, города и веси украсились храмами, лампада молитвы затеплилась в монашеских обителях. Говоря словами Священного Писания, «слово Божие росло, и число учеников весьма умножилось» (Деян. 6:7). Главным свидетельством явленной здесь силы Божией стало пресветлое мученическое воинство – сонм страдальцев за Христа, просиявших в годину огненного искушения (1 Петр. 4:12) в прошлом столетии. Новомученики и исповедники – опора дня сегодняшнего, ибо мы верим и знаем, что они, сохранившие верность Господу Богу, живы все доньше (Втор. 4:4). Неслучайно приснопамятный Святейший Патриарх Алексий II назвал Казахстан «Антиминсом, распростертым под открытым небом». В историю Православия золотыми буквами вписаны имена священоисповедника Николая, митрополита Алма-Атинского, священномученика Пимена, епископа Верненского, преподобноисповедника Севастиана Карагандинского и, конечно же, подвижника благочестия епископа Тимона (Русанова) – первого архипастыря Кустанайской земли. Мы верим, что их молитвенное предстательство помогает нам и укрепляет всех, кто несет церковное послушание в Митрополичьем округе, кто здесь живет и трудится. В

этом году мы молитвенно отмечаем 15-летие всецерковного прославления Собора новомучеников и исповедников Казахских.

На сегодняшний день Православная Церковь Казахстана, первоначально включавшая в себя лишь три епархии – Алма-Атинскую, Уральскую и Чимкентскую, – состоит уже из 10 епархий. Действует Синод архиепископств, который организует и координирует все разнообразие церковной деятельности в нашей стране. Отраднo, что в Митрополичьем округе не прекращается восстановление порушенных святынь, создаются новые храмы, открываются православные просветительские центры. Продолжает свое развитие и Костанайская епархия. В прошлом году в Костаное открыл свои двери духовно-культурный центр имени епископа Тимона (Русанова). В городе Рудном начато строительство храма в честь Казанской иконы Божией Матери. Даст Бог, положительно решится вопрос с возведением в областном центре казахстанской житницы храма в честь образа Царицы Небесной «Спорительница хлебов», особо почитаемого хлеборобами.

Хотел бы акцентировать ваше внимание на следующем: для реализации просветительских проектов необходимо подготавливать квалифицированных педагогов, находить радеющих за дело Церкви энтузиастов, которые могут целенаправленно и системно трудиться на поприще духовного воспитания современного общества и свидетельствовать людям о красоте Православия. Все наши храмы и духовные центры должны быть наполнены жизнью. Подчеркну при этом, что добрые и благие начинания по-настоящему окажутся действенными лишь в том случае, если священник - руководитель прихода и его помощники будут наполнены духом христианской любви. Духовное просвещение, научные исследования, культурные мероприятия, работа с детьми и подростками – являются органичной, естественной жизнью Церкви Христовой, продолжением Божественной Литургии, должным ответом на призыв Спасителя проповедовать Евангелие (Мк. 16:15), обращенный ко всем нам – верующим в Господа Иисуса Христа. «Вы – род избранный, царственное священство, – напоминает нам первоверховный апостол, – народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Птр. 2:9). Поэтому свидетельство о Царствии Божием, пришедшем в силу (Мк. 9:1) должно приобретать разнообразные формы и быть обращено к людям разных интересов, разного возраста и социального положения. Сегодня для этого у нас есть немало возможностей, но, главное, не потерять драгоценное время, не податься духу лености или беспечности.

Мы живем и трудимся на благословенной земле Казахстана, где издревле люди, говорящие на разных языках, исповедующие разные религиозные взгляды, принадлежащие к разным культурам, привыкли жить в бра-

толюбии и согласии. Это – великое сокровище, завещанное всем нам предками, и поэтому в Казахстане между Православной Церковью, государством, традиционными конфессиями, общественными организациями, представителями научной и творческой интеллигенции должны быть диалог и сотрудничество в решении жизненно важных вопросов. Такое сотрудничество необходимо в сферах личной и общественной нравственности, в развитии культуры и сохранении исторического наследия нашей страны, в области поддержки социально незащищенных граждан, в воспитании детей и молодежи. «Нельзя пренебрегать духовным воспитанием подрастающего поколения», – подчеркнул в своем недавнем выступлении Президент Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаев и призвал исполнительные органы власти усилить работу в сфере религии.

Церковь не может оставаться в стороне от того, что происходит сегодня в нашей стране. Живая вера, основанная на силе Божией, должна подтверждаться искренним стремлением послужить ближнему, помочь страждущему и обездоленному, утешить плачущего и скорбящего, вразумить и наставить на истинный путь заблуждающегося. «Мы сотворены на дела благие, чтобы славить и хвалить Сотворившего, и сколько возможно, подражать Богу», – говорит нам святитель Григорий Богослов.

Мы призваны Спасителем быть солью земли (Мф. 5:13) и возвещать ближним и дальним глаголы вечной жизни (Ин. 6:68). И дай Бог, чтобы наши труды и усилия приносили добрые плоды к славе нашей Церкви и к пользе нашей страны – благословенного Казахстана. Вместе с апостолом Павлом призываю вас: «В усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите» (Рим. 12:11).

Призывая Божие благословение,

ГЛАВА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАЗАХСТАНА

+  Алексеев.

МИТРОПОЛИТ АСТАНАЙСКИЙ И КАЗАХСТАНСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

1. <i>Иеродиакон Мефодий (Чулков)</i> . Православные храмы Кустаная (Ново-Николаевска) Тургайской области конца 19-го, начала 20-го века.	7
2. <i>Королева Е. Д., к. ист. наук</i> . Православный ландшафт историко-культурной общности Троицка и Елабуги в 19-м веке.	28
3. <i>Виниченко С. Н.</i> Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года: духовный подвиг православного духовенства Северного Казахстана.	44
4. <i>Протоиерей Валерий Захаров</i> . О Федоровской иконе св. Марии Египетской.	59
5. <i>Ряполов И.</i> О иконе исповедника веры святителя Тимона (Русанова)	63
6. <i>Иерей Сергей Неверов, иерей Андрей Крутин</i> . Церковно-общественная жизнь православного населения Кустанайской области в период массовых политических репрессий второй половины 1930-х годов	67
7. <i>Иеродиакон Мефодий (Чулков), иерей Сергей Неверов</i> . О деятельности митрополита Николая (Могилевского) на Алма-Атинской кафедре в 40-50 годы 20-го века	80
8. <i>Иерей Андрей Крутин, иеродиакон Мефодий (Чулков)</i> . За веру во Христа пострадавшие на земле Костанайской	85
- Монахини Елизавета Адаева и Степанида Юртаева	85
- Священник Георгий Савин	89
- Монах Владимир Хохлов	92
- Священник Иоанн Филиппович Ермилов.	94
- Священник Лаврентий Иосифович Солопов	99

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ КУСТАНАЯ (НОВО-НИКОЛАЕВСКА) КОНЦА 19-го НАЧАЛА 20-го ВЕКА.

*Иеродиакон Мефодий (Чулков),
студент Алматинской Православной Духовной семинарии
клирик Константино-Еленинского собора г. Костаная*

Тургайская область была образована в 1868 году именным указом Императора Всероссийского Александра II, при этом органы власти Тургайской области, в т.ч. и областная администрация изначально располагались за пределами области, в г. Оренбурге, там же находилась и резиденция генерал-губернатора Тургайской области. За пределами области находились и уездные администрации. Администрация Николаевского уезда первоначально располагалась в станице Николаевской Троицкого уезда, но вскоре была переведена в г. Троицк Троицкого уезда Оренбургской губернии. Такое размещение областной и уездных административных учреждений вне границ Тургайской области было связано с тем, что на территории области не было пригодных для этого населенных пунктов, т.к. местное коренное население по большей части вело полукочевой или кочевой образ жизни. Необходимо отметить, что нахождение областной и уездной администрации вне границ Тургайской области создавало большие трудности и неудобства для управления данными территориями. Именно поэтому в 70-е годы XIX-го века было принято решение о строительстве на территории Тургайской области новых городов и поселков и заселение их по преимуществу христианским населением из центральных областей Российской империи. В Николаевском уезде местом для строительства нового города было выбрано урочище Кустаная на левом берегу реки



Фото 1. Военный губернатор
Тургайской области генерал-лейтенант Константинович А.П.

Тургайской области было связано с тем, что на территории области не было пригодных для этого населенных пунктов, т.к. местное коренное население по большей части вело полукочевой или кочевой образ жизни. Необходимо отметить, что нахождение областной и уездной администрации вне границ Тургайской области создавало большие трудности и неудобства для управления данными территориями. Именно поэтому в 70-е годы XIX-го века было принято решение о строительстве на территории Тургайской области новых городов и поселков и заселение их по преимуществу христианским населением из центральных областей Российской империи. В Николаевском уезде местом для строительства нового города было выбрано урочище Кустаная на левом берегу реки

Российской империи. В Николаевском уезде местом для строительства нового города было выбрано урочище Кустаная на левом берегу реки

Тобол. Новый город должен был получить наименование Ново-Николаевск.

Поселение на месте будущего города официально было открыто 17 июня 1881 года военным генерал-губернатором Тургайской области Александром Петровичем Константинович. Именно генерал-губернатору А. П. Константинович принадлежала идея постройки нового города на урочище Кустанай, он же утвердил и план строительства города и прилегающего к нему поселка. Согласно генерального строительного плана будущий город Ново-Николаевск должен был состоять из 137 кварталов, а прилегающий к нему поселок из 38-ми кварталов¹ [1]. Было предусмотрено на плане города и место для православной церкви, которую предполагалось построить на большой соборной площади в центральной части города (прим. в настоящее время Центральный Парк).

Первыми переселенцами, которые прибывали на урочище Кустанай, пришлось столкнуться со многими трудностями и лишениями. Многие семьи жили в землянках, саманных домах, были у них проблемы с почтовой связью, с обеспечением продовольствием и т. д. Большой проблемой было отсутствие в поселении православного священнослужителя для исполнения различных треб: крещений, отпеваний и т. п. Чтобы решить эту проблему, в августе 1881 года поселенцами было отправлено прошение на имя уездного начальника с просьбой о присылке в поселение на урочище Кустанай православного священника, выразив готовность построить на свои средства часовню и дом для церковного причта [2, Л. 1-3 об]. Начальник Николаевского уезда рапортом от 16 августа 1881 года доложил о просьбе переселенцев генерал-губернатору Тургайской области А. П. Константинович [2, Л.1-3 об]. Из ведомства генерал-губернатора прошение переселенцев было переправлено в г. Оренбург, в Духовную консисторию. 5 сентября 1881 года от Епископа Оренбургского и Уральского Вениамина был получен следующий ответ: *«... На отношение от 31 минувшего августа за №3226 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что к часовне на урочище Кустанай причт церковный не может быть определен, но что касается устройства самой часовни, то с моей стороны на то не будет препятствий, если часовня будет строиться по предварительному составленному и кем следует одобренному плану...»* [2, Л. 6]. Через 2 месяца, 07

1 Прим.: поселок был назван в честь генерал-губернатора А. П. Константинович

ноября 1881 года, владыка Вениамин сообщил генерал-губернатору А. П. Константиновичу, что он сделал распоряжение о командировании во вновь заводимый поселок на урочище Кустанай, для отправления требоисправлений и молитвословий в имеющую быть выстроенной временной часовне священника градо-Троицкого Собора Павла Подбельского [2, Л. 13]. Выполняя распоряжение владыки, священник Павел Подбельский в 1881-1883 гг. несколько раз приезжал в Кустанай. Также известно, что местом молитвенных собраний в это время был небольшой частный дом [1].

В феврале 1882 года начальник Николаевского уезда Петр Сипайлов представил на утверждение епископа Оренбургского и Уральского Вениамина план часовни в честь Святого Николая Чудотворца, предполагаемой к постройке в поселении на урочище Кустанай. В дальнейшем часовню предполагалось перестроить в церковь, для чего на плане часовни был указан отдельный пристрой (алтарная часть) [2, Л. 15]. В апреле 1882 года епископ Оренбургский и Уральский Вениамин в своем письме генерал-губернатору Тургайской области написал следующее: «... Нынче возвращаю означенный план, отношением от 10 сего



Фото 2. Священник Павел Подбельский

апреля за No242, просим сделать распоряжение, чтобы при постройке названной часовни были исполнены сделанные на план исправления, как то: при печках были устроены коренные трубы и холодные четверки, а полы были устроены на искусственном основании, и чтобы с плана этого была доставлена в строительное отделение копия, необходимая к делу по сему предмету. Сообщая о сем Вашему Превосходительству, с препровождением плана, для зависящих с Вашей стороны распоряжений, честь имею уведомить Вас, Милостивый Государь, что на построение по сему плану часовни в г. Ново-Николаевске я даю согласие и испрашиваю на это Благословение Божие. ...»

[2, Л. 17]. Исправления в плане были произведены и в декабре 1882 года епископ Вениамин дает свое благословение на постройку в поселении на урочище Кустанай часовни по утвержденному им плану [2, Л.28].

С утверждением плана строительство часовни (церкви) не началось, причиной чего явилась очень сильная засуха и неурожай, которые случились в Тургайской области в 1881-1882 гг. Находясь на грани голода и не имея средств на постройку часовни, поселенцы на общем собрании, которое состоялось в феврале 1883 года, постановили: «... *Постройку церкви отложить на время по неимению на этот предмет ни денежных средств, ни имущественных средств...*» [2, Л.41]. Летом 1883 года поселенцы обратились с просьбой начать сбор пожертвований для постройки церкви и выбрали для этого двух доверенных лиц, для которых и попросили выслать сборные книги.

В июле 1883 года доверенные лица от жителей города Ново-Николаевска обратились к генерал-губернатору Тургайской области с просьбой о назначении к ним на постоянное жительство рукоположенного 6 июня 1883 года к Свято-Троицкому собору г. Троицка священника Василия Гилярова, добавив, что последний изъявляет свое согласие на это [2, Л. 61] [3, стр. 483]. Епископ Оренбургский и Уральский Вениамин II одобрил назначение о. Василия Гилярова в Ново-Николаевск на урочище Кустанай и 26 июля 1883 года освятил святой антиминс для будущего храма, предполагаемого к постройке в Ново-Николаевске [1]. С назначением о. Василия Гилярова были заведены в Ново-Николаевске (Кустанае) и свои метрические книги. Первые записи о рождении, бракосочетании относятся к августу 1883 года [4].

По воспоминаниям о. Василия Гилярова, он продолжал приезжать в Кустанай для исправления треб из Троицка, пока не построили маленькую церковку [5]. Церковь построили в декабре 1883 года по плану, утвержденному в октябре 1883 года. По воспоминаниям современников тех событий, ... *для церкви Никольской поставили продолговатую избу, стоимостью не дороже 400 рублей, и помещаться в ней в праздничные и воскресные дни, а особенно постом во время богослужений могла только 10-я часть молящихся. Ризницей, необходимыми книгами и утварью снабжена была из Троицких церквей.* [1]

В июне 1884 года указом Святейшего Правительствующего Синода сверхштатный священник Троицкого собора о. Василий Гиляров назначается настоятелем временной Никольской церкви в новоустроаемом городе Ново-Николаевске. Этим же указом Свято-Никольская церковь была причислена к Оренбургской Духовной Консисории [2, Л. 96].

Свято-Никольская церковь, которую построили в декабре 1883 года, была построена как временная. Со временем на соборной площади предполагалось рядом с временной Свято-Никольской церковью построить новую, более вместительную, возможно каменную церковь, которая также должна была быть освящена в честь Св. Николая Чудотворца. Для постройки более вместительной церкви в ноябре 1883 года было получено разрешение от императора Александра III на сбор по всей Российской империи денежных средств. 13 ноября 1883 года на имя и. о. генерал-губернатора Тургайской области было получено следующее распоряжение из канцелярии Священного Синода: «... *Государь Император по всеподданнейшему докладу Министра Внутренних Дел в 10 день сего ноября Всемилостливейше соизволил на открытии по всей Империи сбора денежных пожертвований на сооружение во вновь устраиваемом городе на урочище Кустанай при реке Тобол Храма во имя Святого Николая Чудотворца по плану благословенному Епископом Оренбургским и Уральским*» [2, Л. 79]. Сбор денежных средств на постройку храма в Ново-Николаевске (Кустанае) проводился по всей Российской империи, но поступление денежных средств было незначительным. Незначительными были и пожертвования на строительство нового храма, поступавшие по сборной книге, которую выдали в 1885 году по просьбе жителей Кустаная.

В мае 1886 года епископ Вениамин (Смирнов) переводится в Воронежскую и Задонскую епархию, а на Оренбургскую кафедру 21 мая 1886 года назначается епископ Макарий (Троицкий). 17 июня 1887 года епископом Макарием в Кустанай из Челябинского уезда переводится священник Николай Малышев. С переводом о. Николая Малышева в Кустанае стало два штата священнослужителей при временной Свято-Никольской церкви — о. Василий Гиляров с диаконом Николаем Страховым, который был командирован в Кустанай в 1886 году [1] и о. Николай Малышев с псаломщиком Викентием Шмотиным. До назначения в Кустанай о. Николай Малышев был благочинным Таловского округа. По прибытии в Кустанай о. Николай Малышев назначается благочинным приходов Николаевского уезда.

К 1887 году численность населения в Кустанае и прилегающих поселках за счет прибытия новых поселенцев значительно увеличилась и составляла уже более 16000 человек [6, стр. 7]. Единственная в Кустанае временная Свято-Никольская церковь к этому времени уже не вмещала и малой части от желающих поучаствовать в Богослужении. Требовалась постройка новой, более вместительной церкви, но собранных

на ее постройку к 1887 году средств, около 5000 рублей, было недостаточно для такого строительства. Чтобы снизить стоимость постройки новой церкви, было принято решение временно отказаться от постройки каменного соборного храма, а построить в Кустанае деревянную церковь меньшей вместимости. Было выбрано и новое место для постройки новой церкви — для удобства жителей города и поселка Константинович новую деревянную церковь было решено выстроить не на соборной площади, как планировалось изначально, а на площади разделяющей город и поселок Константинович и освятить ее в честь Архистратига Божия Михаила. О важности постройки деревянной Михаило-Архангельской церкви сообщал уездный начальник в своем рапорте от 9 января 1888 года в Тургайской областное правление: «... В минувшем 1887 году наконец исходатайствован план на деревянную церковь, такой план, который оказался удовлетворяющим желанию общества, как вместительному, так и другими обстоятельствами, только с переименованием из Николаевской в Михаило-Архангельскую, потому что Николаевская церковь в Кустанае хотя и маловместительная, но есть, устроена она хотя временной, но она долго еще может служить не без пользы, особенно с устранением предпринятым Михаило-Архангельской церкви и потому, что в честь Св. Николая Чудотворца предполагается устройство уже не деревянной церкви, а поименного собора. Следовательно, в настоящее время настает крайняя необходимость в совершении уже начатой постройки Михаило-Архангельского храма, а не Никольской церкви или собора. О нем и надлежит употребить все заботы и попечение властей и общества...» [7, Л.7-8].

К 1887 году был подготовлен план и смета на строительство будущей церкви. Стоимость постройки Михаило-Архангельской церкви, согласно смете, составила около 20000 рублей и включала в себя постройку церкви, изготовление иконостаса, а также постройку двух домов для священника и псаломщика. В мае 1887 года было получено разрешение использовать на строительство Михаило-Архангельской церкви денежные средства, собранные по Всероссийской подписке на строительство в Кустанае Никольского соборного храма. Из письма военного губернатора Тургайской области начальнику Николаевского уезда: «... Г. Министр Внутренних Дел сообщил мне, что Государь Император в 11 день сего мая повелевает передать всю сумму, собранную на устройство в Кустанае церкви во имя Святого Николая Чудотворца безвозвратно на постройку там Михаило-Архангельского храма и прекратить разрешенный Высочайшим повелением 10 ноября 1883 года

сбор добровольных пожертвований на возведение церкви в урочище Кустанай. О таком высочайшем повелении сообщаем Вашему Высокоблагородию в последнем Рапорте Вашем от 13 мая 1888 года за №9355 для подлежащего с Вашей стороны распоряжения, присовокупляю, что в настоящее время в депозите областного Правления состоит пожертвований на сооружение Православного храма в Урочище Кустанай 5228 рублей 95 копеек, из них 3750 рублей бумагами и 1508 рублей 95 копеек наличными деньгами ...» [7, Л.31-31 об.]. На строительство Михаило-Архангельской церкви также было решено использовать свободные денежные средства из церковной кассы временной Николаевской церкви. Всего около 8000 рублей [1]. Недостающие средства для постройки храма были собраны жителями города и купечеством.



Фото 3. *Фотография начала 20-го века. Михаило-Архангельская церковь в г. Кустанае.*

Постройка Михаило-Архангельской церкви завершилась к осени 1889 года. В клировых ведомостях за 1911 год можно найти следующее описание церкви: «... Церковь построена в октябре 1889 года тщиением

*благочинного священника Николая Малышева и священника Василия Гиллярова ... Зданием деревянная на кирпичном фундаменте с колокольней, покрытой железом, окрашена зеленой краской. Под колокольней находится деревянная сторожка. Церковь окружена деревянной решетчатой оградой на кирпичном фундаменте ...» [8]. Размеры новой церкви по плану составили 9*8 ½ сажень (19,2 на 18,14 метров) [1], вместимость около 500 человек [9]. До 1895 года Михаило-Архангельская церковь была приписана к временной Свято-Никольской церкви. В 1895 году указом № 6010 от 27 ноября Святейшим Правительствующим синодом при Михаило-Архангельской церкви Кустаная был открыт самостоятельный приход и утверждены два штата из 2-х священников и 2-х псаломщиков [10, стр. 353].*

Через два года после постройки Михаило-Архангельской церкви, в 1891 году, в Кустанае на соборной площади, на углу улиц Гоголевской и Соборной², была выстроена деревянная Кирилло-Мифодиевская церковь-школа. Школа-церковь была построена за счет средств от продажи земельных участков, которые еще в 1881 году были выделены для постройки домов для соборного причта. Участки располагались в 38-м квартале рядом с временной Никольской церковью. К 1890 году данные участки еще не были застроены и выкупить их пожелали кустанайские купцы Стахеев и Якушев. В результате торгов участки были проданы купцу Стахееву за 5000 рублей. Вырученные средства от продажи участков пошли на постройку церкви-школы. Также на постройку церкви-школы было собрано по 50 копеек с каждого домовладения. Строилась церковь-школа под наблюдением областного архитектора. В состав комитета по постройке церкви-школы вошли начальник Николаевского уезда, его помощник, заведующий конно-заводской конюшней, почетные граждане купцы Гатчин, Степанов, законоучитель Федор Соколов и председатель комитета инспектор школы Васильев. Построенная церковь-школа представляла собой здание, с западной части которого находились классные комнаты, а с восточной располагался домовый однопрестольный домовый храм, освященный в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Над домовый церковью был установлен один большой купол. Рядом с церковью-школой находилась колокольня на столбах.

2 **Прим.:** современные названия улиц - ул. Гоголя и ул. Байтурсынова.



Фото 4. Фотография церкви-школы в поселении Кустанай. [33, стр. 16.]

Построенная церковь-школа была достаточно вместительной и на службах в Кирилло-Мефодиевской церкви, помимо учеников и преподавателей, могли присутствовать и жители города. Проводились при домовом храме церкви-школы и крещения, о чем свидетельствуют метрические книги за 1894 год [11]. Первым священником, определенным к Кирилло-Мефодиевской церкви-школе в 1891 году, стал священник Федор Соколов [1, 394]. При Кирилло-Мефодиевской церкви-школе была открыта публичная библиотека, воскресная школа, а также здесь разместилось 1-е мужское начальное МНП училище [12, Л. 67-70].

С постройкой Кирилло-Мефодиевской церкви-школы общая вместимость трех церквей Кустаная составила около тысячи человек, но для городского поселения, численность которого к 1890 году уже превысила 28000 человек [13] этого было совершенно недостаточно. Требовалась постройка нового храма, средств на возведение которого не было ни у церковных, ни у городских властей. Возведение нового храма могло состояться только за счет добровольных пожертвований и благотворительной помощи. К 1890 году такие средства появились благодаря заве-

щанию Троицкого купца Василия Пупышева. Василий Михайлович Пупышев был известным благотворителем и меценатом, почетным гражданином г. Троицка, купцом 1-й гильдии. После своей смерти он завещал построить три православных храма, в местностях особо в этом нуждающихся, в том числе и в Ново-Николаевске (Кустанае) и выделил для этого 120000 рублей. Скончался Василий Пупышев в 1888 году, а в 1889 году состоялось судебное разбирательство по его завещанию. По решению Московского окружного суда от 20 ноября 1889 года в распоряжение Святейшего Синода было выделено 110844 рубля 68 копеек из 120000 рублей, завещанных купцом Василием Пупышевым, и согласно решению суда, данные средства должны были быть истрачены на постройку не трех, а четырех храмов. Таким образом на постройку соборного храма в Кустанае могло быть истрачено 27 719 рублей 42 копейки [14, Л.1]. В феврале 1891 года Обер-Прокурор Святейшего Правительствующего Синода Победоносцев Константин Петрович уведомил епископа Оренбургского и Уральского Макария в том, что он будет ходатайствовать перед Священным Синодом о выделении 27 729 рублей на строительство соборного храма в Кустанае, но просит при этом «... уведомить его, будет ли признано возможным приступить к постройке храма при этих средствах, и в утвердительном случае, доставить ему план и фасад предполагаемого к постройке храма, с пояснениями, под чьим ближайшим руководством и наблюдением предполагается провести постройку ...» [14, Л.1].

В апреле 1891 года о строительстве собора оповестили жителей Кустаная. На сходке жители Кустаная выразили свое полное согласие со строительством нового соборного храма. 20 мая 1891 года Преосвященный Макарий сообщил в Священный Синод о том, что жители Кустаная изъявили готовность приступить к постройке у них нового храма, при условии отпуска на строительство упомянутых 27 712 рублей 42 копеек. Осенью 1891 года был подготовлен проект храма, составленный архитектором Николаевым. Стоимость постройки церкви по этому плану должна была составить 46 470 рублей. В ноябре 1891 года Преосвященный Макарий представил данный план на утверждение Священного Синода [14, Л.27]. По распоряжению обер-прокурора Священного Синода К. П. Победоносцева проект был отдан на рассмотрение академику Преображенскому, который в свою очередь признал проект храма и фасад неудовлетворительным. Новый проект и смета на строительство соборного храма в Кустанае были подготовлены к 1894 году [14, Л.93]. Авто-

ром нового проекта храма стал епархиальный архитектор Аркадий Савинич (Савин). Весной 1894 года новый проект соборного храма был одобрен и утвержден.



Фото 5. Архитектор
Аркадий Савинич

В марте 1894 года для наблюдения за постройкой храма был создан строительный комитет. В состав строительного комитета вошли: председатель благочинный о. Николай Малышев, Ново-Николаевский уездный начальник, местные священники Петр Гордеев и Василий Гиляров, диакон Алексей Рысев, епархиальный архитектор А. О. Савин, церковный староста Димитрий Никитин, купцы Петр Самойлов и Петр Степанов, крестьянин Борис Фокин. Казначеем Комитета был утвержден священник Василий Гиляров, делопроизводителем диакон Алексей Рысев [14, Л.109]. Строительный комитет был

уполномочен распоряжаться средствами, которые поступали на строительство храма в виде пожертвований и другой благотворительной помощи. Поступали в строительный комитет и средства, собранные по Всероссийской подписке, открытой в 1893 году по повелению императора Александра III. Из письма сенатора Плеве, товарища министра МВД генерал-Губернатору Тургайской области: «... *Государь Император всеподданнейшим докладом Министра Внутренних Дел в 14 день минувшего октября Всемилостливейше соизволил на открытие повсеместной в Империи подписки для сбора пожертвований на сооружение храма Святого Николая Чудотворца в пос. Кустанае Николаевского уезда Тургайской области. О таком Высочайшем соизволении имею честь сообщить Вашему Превосходительству, для зависящих распоряжений, что Министерством Финансов сделано распоряжение о беспрепятственном приеме казначейством могущих поступать на означенный предмет пожертвований и о высылке таковых в комитет, учрежденный в поселении Кустанае по постройке помянутого храма...*» [14, Л.73].

На 02 мая 1894 года Строительным комитетом были объявлены торги на постройку соборного храма в Кустанае, но данные торги не состоялись, так как желающих построить соборный храм, из числа крупных подрядчиков, не нашлось. Причиной тому явилось недостаточность

средств на постройку храма. По смете стоимость строительства составляла более 70 000 рублей, большую часть из которых еще только предстояло собрать в виде пожертвований и благотворительной помощи. Выступить подрядчиком в строительстве собора на таких условиях вылезал только епархиальный архитектор А. Савинич, автор проекта и фасада соборного храма. Построить Никольский собор в Кустанае архитектор А. Савинич взялся за 77 000 рублей, при этом проект и смету он брался изготовить бесплатно. Новые торги было принято решение не проводить и 7 мая 1894 года Строительный комитет, ввиду отсутствия других желающих, заключил договор на строительство соборного храма с архитектором Аркадием Савиничем. Как архитектор, до постройки храма в Кустанае Аркадий Савинич принимал участие в строительстве и реставрации храмов в Херсоне, Фаросе и т. д. С 1892 года он епархиальный архитектор в Оренбурге. Строительство кустанайского Свято-Никольского собора стало для Аркадия Иосифовича Савинича первым крупным проектом, когда он выступил и как автор проекта, и как подрядчик.

26 мая 1894 года состоялась закладка соборного храма. Из статьи в Оренбургских епархиальных ведомостях: *«По прибытии 23-го мая Его Превосходительства, г. Военного Губернатора Тургайской области Якова Федоровича Барабаи в г. Николаевск, назначено было совершить закладку Соборного храма на 26-е мая, — день Вознесения Господня. Земляные работы к этому дню были закончены очисткой рвов. При благоприятном грунте земли, дно рвов было выравнено гладко и на 4-х аршинной с лишком глубине, в этих рвах образовалась как-бы громадная комната, с коридорами по всему пространству постройки. Эти земляные работы Комитетом, при участии Областного инженера г. Эрбер, освидетельствованы и приняты, в чем и составлен акт. Накануне закладки состоялось заседание Строительного Комитета, на котором изволил присутствовать Его Превосходительство, г. Губернатор. В день же назначения закладки, 26-го мая, Его Превосходительство изволил пожаловать к литургии в Никольскую церковь, после которой из всех трех церквей крестные ходы, сопровождаемые громадным наплывом народа, направились к месту постройки Собора, где и совершилась закладка его, в присутствии Его Превосходительства, ко всеобщей радости местных поселенцев ...»* [15].

Официально строительные работы по возведению храма начались несколько ранее, а именно 10 мая 1894 года [14, Л.124 об]. К этому времени были закуплены кирпич и бутовый камень. Частично был выложен фундамент храма. Уже после начала строительства, осенью 1894

года возникли вопросы по качеству использованных при строительстве строительных материалов — кирпича и известкового раствора. Для проверки качества образцы строительных материалов были отправлены в Санкт-Петербург, в механическую лабораторию при Институте инженеров Путей сообщения. Результаты экспертизы показали, что качество строительных материалов было вполне удовлетворительным и при хорошем исполнении работ благоуспешное, как написано в заключении экспертов, окончание строительства Кустанайского собора было вполне возможно.

К лету 1895 года были закончены работы по возведению стен, установке куполов в соборном храме. В мае 1895 года начались работы по внутренней отделке здания собора. Из статьи в еженедельнике «Тургайская газета» за 1895 год: «... Работы по внутренней отделке новостроящегося собора начались с 28 мая, но, как утверждают, будут окончены только к 1 сентября. В настоящее время почти одновременно идут работы по настилке полов, работы штукатурные, малярные, (более чем на 4000 рубл.), лепные и столярные – 14 дверей, взятые казанским подрядчиком Ершовым за 3000 рублей (6 дверей дубовых и 8 сосновых, доставленных подрядчиком с места). Что-же касается живописи, то таковые будет производиться по окончании малярных работ и, по слухам обойдется собору не менее 12000 рублей. По окончании-же всех этих работ, на место будут поставлены готовый уже иконостас и иконы ...» [16].

Все строительные работы по возведению храма были окончены к 1898 году. Построенный Свято-Никольский собор имел три придела: главный во имя святителя Николая, по правую сторону главного во имя Покрова Пресвятой Богородицы и по левую во имя святых Равноапостольных царя Константина и матери его царицы Елены [17]. Иконостас для собора был заказан богатой московской фирме Немирова-Колодкина за 10000 рублей [1, стр. 394]. Известны точные размеры соборного храма: длина храма внутри здания, без колокольни, пристроенной с западной стороны и ризницы с восточной, 11 1/3 саж. (24,18 метра), ширина 11 1/3 саж. (24,18 метра), высота до верха купола 10 саж. (21,336 метра). Длина колокольни 1 1/2 саж. (3,2 метра), ширина, вместе со сторожкой и ходом колокольни 4 1/3 саж. (9,2456 метра), длина ризницы 2 саж. (4,2672), ширина 3 саж. (6,4 метра). Ризница соединяются с приделанным алтарем, коридорами длиной 1 3/4 саж. (3,7338 метра) и шириной 1 1/2 саж. (3,2 метра) каждый [18]. Вокруг собора была сооружена каменная ограда с железной решеткой.



Фото 6. *Свято-Никольский собор, фотография начала 20-го века.*

6 июня 1898 года состоялось торжественное освящение вновь построенного соборного храма. На торжество, связанное с освящением Свято-Никольского собора прибыли епископ Оренбургский и Уральский Владимир (Соколовский - Автономов) и военный губернатор Тургайской области генерал-лейтенант Яков Федорович Барабаш. Совершал освящение Преосвященный Владимир, в сослужении с архимандритом Сергием, начальником киргизской миссии при 12 священниках [19]. По воспоминаниям современников стены храма не могли вместить всех желающих поучаствовать в этот день в Богослужении. Толпы молящихся покрыли обширную площадь и заняли прилегающий к ней городской сад [1, стр. 394].

С постройкой собора окончательно оформилась соборная площадь. Через дорогу от собора, на Соборной улице находилось двухэтажное здание, в котором располагалось второклассное училище. Здание было построено в 1893-95 гг. архитектором Аркадием Савиничем для собственного проживания и в 1896 году было продано им за 6000 рублей

городским властям для устройства в нем второклассной школы. С южной стороны соборной площади, на углу улиц Соборной и Гоголевской располагалась Кирилло-Мефодиевская церковь-школа, с северной стороны был разбит городской сад. Временная Свято-Никольская церковь располагалась на соборной площади с восточной стороны от Свято-Никольского собора, на углу улиц Никольской и Гоголя. С постройкой собора нахождение данной церкви на соборной площади было признано нецелесообразным. В 1900 году временную Никольскую церковь разобрали и перевезли на городское кладбище, где она была перестроена и 10 сентября 1900 года она была освящена в честь святых бессребреников Косьмы и Дамиана [20]. Из описания церкви в клировых ведомостях Свято-Никольского собора за 1918 год: «... *Кладбищенская Косьмо-Дамиановская церковь, зданием деревянная с таковой же колокольнею на столбах, обитая тесом, перестроена из временной Николаевской церкви в 1900 году, освящена 10 сентября того же года, отремонтирована в 1915 году. Опись церковного имущества заведена в 1884 году, хранится в целости, проверена в 1913 году. Копии метрических книг хранятся с 1 августа 1883 года. Церковная библиотека содержит 115 томов. Преосвященный посетил в последний раз приход в 1911 году 31 мая и 2 июня и в 1918 г. в октябре ...*» [20]. Косьмо-Дамиановская кладбищенская церковь была приписана к Свято-Никольскому собору и использовалась в основном для отпеваний. Служили в ней священники Свято-Никольского собора. Единственная сохранившаяся фотография кладбищенской церкви была сделана в 1932 году во время проведения митинга 07 ноября [21].

В 1901 году в Кустанае была построена монастырская церковь на территории Иверской женской общины. Иверская женская община была учреждена указом Священного Синода № 5570 от 22 июня 1894 года [22]. В 1895 году для организации женского монастыря городскими властями была выделено 250 десятин земли пахотной, 10 десятин огородной и 6 десятин под монастырскую усадьбу [23]. После выделения земли, по воспоминаниям священника Михаила Худоносова, «... *оставалось приступить к устройству трапезной церкви, на что, согласно утвержденному плану, последовало разрешение Духовной Консистории от 24 мая 1895 года и к постройке более приспособленных келий, так как число сестер к весне 1895 года возросло до восьмидесяти, причем в общине нашли приют слепые, убогие, больные. ...*» [24]. Первая монастырская церковь, небольшая трапезная церковь в честь Пресвятой Троицы была построена и освящена в 1895 году [25]. В 1897 году настоятельницей Иверской женской общины монахиней Анной был написан

рапорт за №9986 на имя епископа Оренбургского и Уральского Владимира с прошением о строительстве при общине деревянной церкви во имя Иверской иконы Божией Матери. План церкви несколько раз изменялся и дорабатывался и окончательно был утвержден только в 1900 году. Проектная стоимость строительства церкви составила 7181 р. 82к.. К 1901 году строительство церкви было закончено.



Фото 7. *Иверский женский монастырь. Фото начала 20-го века.*

По воспоминаниям современников, «... воздвигнутый на видном и возвышенном месте, влево при въезде в обитель, красивый по архитектуре новый храм резко выделяется своими зелеными куполами из среды прочей монастырской постройки и носит на себе печать прочности и величественности. При входе в храм богомольца поражает обилие света и простор» [26]. Освящение храма состоялось 29 сентября 1901 года. В освящении принимали участие 8 священнослужителей во главе с благочинным протоиереем Павлом Подобельским [27].

Прихожанами монастырской церкви были многие жители поселка Константинович. Своей церкви в поселке Константинович не

было, а ближайшими к поселку храмами были церковь в женском Иверском монастыре и Михаило-Архангельская церковь на торговой площади, разделяющей город Кустанай и поселок Константинович. В 1909 году для удобства жителей поселка Константинович была построена церковь в честь св. равноапостольных царя Константина и матери его царицы Елены уже в самом поселке. Описание Константино-Еленинской церкви в клировой ведомости 1911 года. «... Церковь построена в 1909 году, деревянная, с колокольней отдельно на столбах. Престолов один, в честь Святых царей равноапостольных Константина и Елены. Престольный праздник 21 мая. Утварью самой необходимой снабжена. Почтовый адрес: уездный город Кустанай, Тургайской области, Константино-Еленинская церковь ...» [8, Л. 40-42]. Первым церковным старостой Константино-Еленинской церкви был Игнатий Калечин [28]. Первоначально Константино-Еленинская церковь была приписана к Михаило-Архангельской церкви Кустаная. В ноябре 1912 года указом Святейшего Синода за №17922 при Константино-Еленинской церкви был образован самостоятельный штат из священника и псаломщика [29].

Константино-Еленинская церковь стала последней по времени церковью, построенной в Кустанае до революционных событий 1917-1918 года. После окончательного установления в городе советской власти и до конца тридцатых годов 20-го века все православные храмы в Кустанае были закрыты. Одной из первых в городе была закрыта Кирилло-Мефодиевская церковь-школа. На фотографиях начала 30-х годов на том месте, где находилась церковь-школа можно увидеть пустырь с остатками фундамента [30]. В конце 20-х годов по неизвестной причине, возможно в результате умышленного поджога, сгорела Михаило-Архангельская церковь, а в 1930 году была закрыта и впоследствии разрушена монастырская Иверская церковь. В августе 1935 года был закрыт и впоследствии разрушен Свято-Никольский собор. Косьмо-Дамиановская церковь на городском кладбище закрылась после массовых политических репрессий 1937-38 гг. В октябре 1938 года Кладбищенскую церковь как бесхозную передали в ведение Горфинотдела [31], а в 1939-40 гг. здание церкви было разобрано [32]. Константино-Еленинская церковь была закрыта городскими властями в 1935 году. До 1943 года в церковном здании располагалось общежитие для студентов, а в годы Великой Отечественной войны военный госпиталь. В 1945 году постановлением Горсовета церковное здание Константино-Еленинской церкви было передано в ведение Русской Православной Церкви. Церковное здание было отремонтировано верующими и в апреле 1945 года в Константино-

Еленинской церкви начались регулярные Богослужения. В последующем, более полувека, до середины 90-х годов, Константино-Еленинская церковь была единственной действующей православной церковью в Кустанае и одной из немногих православных церквей и молитвенных домов, открытых в послевоенное время в Кустанайской области.



Фото 8. Константино-Еленинская церковь в г. Костаная, фото начала 2000-х годов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Оренбургские епархиальные ведомости (далее ОЕВ), 1898 год, №10, неофициальная часть, стр. 391-398 // статья «Город Кустанай», автор священник Петр Гордеев.
2. Центральный Государственный архив Республики Казахстан (далее: ЦГА РК) Ф. 25 Оп. 1 Д. 3511
3. ОЕВ, 1883, №13, официальная часть
4. ГАКО Р-678 Оп.2 Д.1

5. Тургайская газета, №40 от 5 октября 1908 года. Статья «Переселенческий город».
6. Обзор Тургайской области ... [по годам] / Тургайск. обл. стат. ком. - [Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1871-1916]. - За ряд лет: Литогр. изд. - За ряд лет: Прил. к всеподд. отчету. - Изд-во обзоров за 1890-1902, 1907-1911 не указаны. - За 1910-1911 на перепл. загл.: Статистический обзор Тургайской обл.
7. ЦГА РК Ф.25 Оп.1 Д.3603
8. ГАОО Ф.173 Оп.9 Д.1686
9. ЦГА РК Фонд 25 Опись 1 Дело 4819 /Л.8 // Рапорт Николаевского уездного начальника в Тургайское областное правление от 30 апреля 1891 года: *в поселении Кустанай в настоящее время существует деревянная церковь, вмещающая в себя до 500 человек молящихся, далеко не соответствует имеющейся в поселении наличному числу жителей до 20000 человек.*
10. ОЕВ, 1895 год, № 24, оф. часть
11. ГАКО 678-2-12а. Метрическая книга выданная из Оренбургской Духовной Консистерии для домово́й Министерской церкви при Николаевском 1-м одноклассном училище.
12. ГАОО Ф.173 Оп.9 Д.1686, Л. 67-70 // Клировые ведомости: *Церковь построена в 1891 году, деревянная, с колокольней отдельно от церкви. Сооружена церковь при 1-м мужском начальном министерства народного просвещения училище. Престолов один, утварью не богата, но все необходимое имеется.*
13. Обзор Тургайской области за 1890 год. Ведомость №6. // ОСЕДЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ Тургайской Области в 1890 году по ВЕРОИСПОВЕДОВАНИЯМ: Православное население в поселении Кустанай — мужчин 14505, женщин 13693
14. ЦГА РК Фонд 25 Опись 1 Дело 4819
15. ОЕВ, 1894, №14, неоф. часть, стр. 463
16. Еженедельник «Тургайская газета», №29 от 1895 года, статья «*К постройке нового собора*»
17. ГАКО Ф.1010 Оп.1 Д.3
18. ГАКО Р-72 Оп.1 Д.74 // Опись Свято-Никольского собора за 1924 год
19. Тургайская газета, №26 от 28 июня 1898 года // Статья «*Из Кустаная. Освящение соборного храма*».
20. Объединенный Государственный архив Челябинской области (ОГАЧО) Фонд 75 Оп.1 Д.1 (Л. 2-3)

21. ГАКО. Собрание фотодокументов. Описание 1-П, Том 1, Фото 506. Выступает секретарь райсполкома И.П. Артемьев на братских могилах павших борцов. 07 ноября 1932 года
22. ГАОО Ф.173 Оп.3 Д.5747 Л.32 // Сведения о Кустанайской Иверской женской общине Оренбургской епархии от 15 декабря 1900 года
23. ГАОО Ф.173 Оп.3 Д.5347
24. ОЕВ, 1896 год, №4, неоф. часть, стр. 99-106. Статья *«Иверская женская община близ города Кустаная Тургайской области»*.
25. ГАОО Ф.173 Оп.4 Д.6447 // Рапорт игуменьи Анны
26. Тургайская газета, 1902 год, от 27 января, №27-28. Статья *«По поводу недавнего торжества освящения нового храма при ней»*. Автор статьи священник Александр Апустич.
27. ГАОО Ф.173 Оп.3 Д.5375 // О построении деревянной церкви при кустанайской женской общине
28. ОЕВ 1909 №49-50 стр. 416
29. ОЕВ 1912, №50, оф. часть
30. ГАКО, Описание №1 фотодокументов постоянного хранения за 1907-1987 гг., фото №511 - «Митинг на базарной площади». Дата съемки — 7 ноября 1932 года.
31. ГАКО Ф. 152 Оп.1 Д. 71 Л.20-21
32. ГАКО. Ф. Р-250 Оп.1 Д. 10 Л.50
33. «Возникновение города Кустаная». Авторы В.Г. Малехоньков, З.П. Толстых. Общество по распространению политических и научных знаний Казахской ССР, Кустанайское Обл. отделение, 1959 год.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЛАНДШАФТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ ТРОИЦКА И ЕЛАБУГИ В XIX В.

*Королева Е.Д., канд. ист. наук
Троицк Челябинской обл.*

В какое бы село, станицу или город ни приезжал православный человек, перед ним представляла знакомая картина: на окраине – поклонный крест, освященный родник, колодец или обетная часовня, в центре – белеющая высотка храма, вдалеке распростерся погост. Топонимика также была известной: будь то название улиц и площадей – Спасская, Покровская, Казанская, Соборная, или частей населенного пункта: Кресты, Монастырка и т.п. Как и в допетровской Руси, в синодальный период Русской Православной церкви церковный календарь, вольно или невольно, определял суточный и годовой ритм повседневной и праздничной жизни большинства населения. Благовест, трезвон или перезвон церковных колоколов служил указателем времени дня. Все это в совокупности облегчало самоощущение и обустройство переселенцев на новом месте. Отличия в знакомом с детства ландшафте и ритме жизни могли быть вызваны региональной спецификой, но они были, большей частью, внешнего характера.

Переселенцы привозили с собой устоявшиеся ценности и привычки, распространяя на новое место жительства прежний сакральный опыт. Верующие освящали храмы на новом месте жительства в память о своей родине. Поэтому изучение религиозного ландшафта соседних территорий позволяет выявить целый спектр их общности и локальных различий.

Одной из таких фигур, личность и деятельность которой может служить иллюстрацией переключки и взаимовлияния местных обществ на примере Троицка – уездного города Оренбургской губернии и Елабуги – уездного города Вятской губернии, был Василий Михайлович Пупышев. Потомственный почетный гражданин Троицка, троицкий купец 1-й гильдии, крупнейший троицкий благотворитель, он неоднократно избирался городским головой (1860–1863, 1866–1875 гг.), в течение тридцати семи лет выбирался старостой Свято-Троицкого собора г. Троицка. Родился в Елабуге примерно в 1816 г., скончался 2 декабря 1888 г. в Троицке.

Двадцати с небольшим лет Василий Михайлович прибыл в Троицк, занялся торговлей «игольчатым мелочным» товаром, затем

оптовой торговлей мануфактурой, с 1863 г. состоял в первой купеческой гильдии [1]. Неизвестно, что его заставило покинуть родину, возможно, известность торгового Троицка или начавшаяся золотодобыча в Троицком уезде.

По мнению дореволюционных любителей истории и современных исследователей, уникальность Елабуги была обусловлена широчайшей торгово-промышленной деятельностью и масштабной благотворительностью. Наиболее значимую роль в истории города и далеко за пределами Вятской губернии сыграла династия предпринимателей Стахеевых. Основу материального состояния заложил Иван Кириллович, расцвета семейное предприятие достигло при его сыне Иване Ивановиче (1811–1885 гг.) – современнике Пупышева. В отношении ярмарочной торговли известная в Елабуге Спасская ярмарка не достигла своего апогея в 1830-х гг., да и в конце XIX в. она уступала по размерам торговому обороту Троицка. Из шестнадцати ярмарок Вятской губернии Спасская занимала четвертое место, по количеству привозимой в 1873 г. продукции (120.000 руб.) и второе место по объемам продаж (90.000 руб.). В Елабугу доставлялись товары из 86 городов России [2]. Троицкая ярмарка в XIX – начале XX в. конкурировала с Макарьевской и Ирбитской ярмарками. Уже в конце XVIII в. в Троицк было привезено товаров на 237.789 руб. [3].



Рис. 1. Елабуга в 1914 г.

И.В. Шишкин – отец художника И.И. Шишкина, предприниматель, историк-любитель, автор «Истории города Елабуги» отмечал, что «торговля местная здесь очень незначительна. Но производится она главным образом в других городах России и Сибири»: в Иркутске, Красноярске, Томске, Петропавловске, Троицке, Златоусте, Екатеринбурге, Оренбурге, Рыбинске, Саратове. С недавних пор, уточняет автор, купцы стали осваиваться в Ташкенте [4].

Где и чем бы ни занимались Стахеевы, экономическая деятельность сопровождалась материальной поддержкой церковных, образовательных и богоугодных заведений. Законченным воплощением благотворительности этой большой семьи стал существовавший с 1870-х до 1917 г. «Благотворительный граждан И.И. и Д.И. Стахеевых комитет», на счетах которого в 1904 г. было более 2 млн руб. [5].

Можно предположить, что не из процветающей еще Елабуги и не от экономического конкурента уехал Пупышев в Троицк, достигший своего расцвета, как и Елабуга, во второй половине XIX – начале XX в. Также как и практика больших пожертвований, которыми был известен в Троицке Пупышев, сложилась не в Елабуге. Но связи с малой родиной Василий Михайлович, вероятно, не терял: как в силу родственных связей с местным «степенством», так и личного знакомства со Стахеевыми. Последнее обстоятельство может пояснить тот факт, что в ответ на обращение В.М. Пупышева помочь в устройстве церкви при мужской гимназии в Троицке откликнулся И.И. Стахеев, пожертвовавший в 1876 г. 300 руб. [6]. Сам Пупышев много потрудился для открытия гимназии и церкви при ней. Через двадцать лет елабужский купец И.Г. Стахеев – племянник Ивана Ивановича, пожертвовал 300 руб. на ограду Александро-Невской церкви в Троицке, за что получил благословение от правящего архиерея [7].

Со времени Ивана Грозного до преобразования в 1780 г. Елабуги в уездный город она именовалась с. Трехсвятским, основанном на землях Казанского ханства, где с X в. проживали камские бұлгары. Название села как нельзя точно отражается в религиозном составе его населения на протяжении дореволюционного периода. Подавляющее большинство православных подданных и церковей существенно отличает Елабугу от полиэтно-и-поликонфессионального Троицка, который в 1860-е гг. представлял перед современниками «азиатским», т.е. мусульманским, городом. К «особенному покровительству Промысла Божия», считает И.В. Шишкин, можно отнести то обстоятельство, что в Елабуге не было старообрядцев (до 1871 г. – времени издания его очерков) [8].

В конце XIX в. в Елабуге насчитывалось двенадцать церквей (из них три монастырские), женский монастырь, две часовни, мечеть. В Троицке – девять церквей (из них три монастырские), женский монастырь, одна часовня, шесть мечетей. Таким образом, в Троицке на одну церковь приходилось 1.591 чел., в Елабуге 602 чел., что неизбежно сказывалось на уровне благочестия горожан. В обоих городах были церкви с одними и теми же посвящениями: Свято-Троицкая, Казанская, Александро-Невская, Никольская, хотя подобные названия встречаются не только в Елабуге и Троицке.

На землях того и другого города существовал Казанский женский монастырь История возникновения женских монастырей в Троицке и Елабуге представляет типичный пример в общем развитии женского монашества Российской империи в пореформенный период. Схожесть их существования проявляет себя не только в посвящении Казанской иконе Богородицы, но и времени учреждения сначала в качестве общины, позднее – общежительного монастыря третьего класса (в Елабуге в 1855–1868 гг., в Троицке в 1862–1865 гг.). Оба монастыря имели по три церкви, в Елабужском: Казанская, Воскресенская, во имя великомученицы Варвары (больничная); в Троицком – Казанская, Преображенская, в честь иконы Богородицы «Живоносный источник». Накануне Первой мировой войны Троицкий монастырь насчитывал более 250 насельниц [9], Елабужский – 479 [10].



Рис. 2. Казанский монастырь в Елабуге



Рис. 3. *Казанский монастырь в Троицке*

По удаленности Елабуги от двух других в Вятской епархии женских монастырей, новой обители предназначалась, в том числе, роль учреждения общественного призрения; епископом Вятским Елпидифором признавалось полезным и нужным, «дабы и в этом крае ревнующие ко благочестию старицы имели для себя пристанище». Основные постройки были возведены в 1856–1868 гг. на средства купца первой гильдии, почетного гражданина Елабуги И.И. Стахеева. Уже через десять лет монастырь стал самым крупным в Вятской губернии [11].

В XIX в., особенно во второй его половине, утилитарный крен в монастырском строительстве, обозначенный в «Духовном регламенте», дополняется осознанием актуальности их проповеднической миссии. На возникавшие монашеские обители российских окраин возлагалась, прежде всего, миссионерская роль – внешняя проповедь христианства (для старообрядцев, сектантов и инородцев) и внутренняя (для укрепления православной паствы). В своем рапорте войсковому правлению Оренбургского казачьего войска от 8 января 1856 г. окружной начальник 2-го военного округа докладывал: «Учреждение в городе Троицке женского монастыря Протоиерей Озерецковский (настоятель Свято-Троицкого собора г. Троицка) полагает весьма полезным для утверждения на грядущие времена прочной православной христианской религиозности и постоянного водворения благочестия в

народной среде, нравственности между раскольниками и лицами магометанского происхождения, имеющими большинство населения в Троицке» [12].

Возрождение монашеской жизни в Троицке и Елабуге началось почти одновременно, постановление Св. Синода последовало для Елабужского монастыря 16 июля 1995 г., для Троицкого монастыря 11 июня 1996 г.

Любая местность православной Руси имела свою святыню, переносимую по городам и весям, обычно ими были чудотворные иконы. В Прикамье одной из таких святынь была икона Нерукотворного образа Спасителя, причем, известно, например, о Вятском и Елабужском списке, с каждой из них связана легенда о чудесном явлении. Общие геополитические и историко-культурные особенности провинций обуславливали схожесть и единство функционирования святынь и их почитания. В данном случае усматривается параллель почитания чудотворных икон Нерукотворного Спаса и Табынского образа Богородицы на Южном Урале. Табынская икона была главной святыней Южного Урала. Она представляла собой один из ранних списков Казанской Богородичной иконы, чудесной найденной в Казани в 1579 г. В годы гражданской войны святыню увезли с собой казаки атамана А.И. Дутова сначала в Китай, затем в Австралию. Есть мнение, что Табынская икона и ныне находится там же, либо в г. Сан-Франциско (США) [13]. В отличие от Табынской иконы, подлинный Елабужский образ ныне находится в Покровском соборе Елабуги.

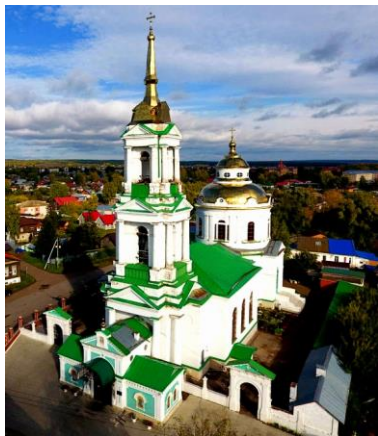


Рис. 4. Покровский собор в Елабуге (современ. фото)



Рис. 5. *Икона Нерукотворного образа Спасителя (Спас Елабужский)*



Рис. 6. Табынская икона Божией Матери

Обе иконы большого размера: Спасителя – примерно 1,5 x 1,2 м [14], Богородичная икона – примерно 74 x 106 см [15]. Ее характерная особенность – темные лики Богомладенца и Его Матери, настолько темные, что изображения были трудно различимы. Черты лица Спасителя на Елабужской иконе, по мнению современников, выражали

«скорее суровость, чем кротость и милосердие», в середине XIX в. изображение уже было мало различимо, потемнев от времени [16].

История почитания икон сопровождает начальный период колонизации русскими окраин государства и сопротивления автохтонного населения. Тем самым, новоявленные святые служили свидетельством не только другой духовной традиции, но и средством укоренения переселенцев. В ходе частых набегов башкир Вознесенская монашеская пустынь, где была обретена Табынская икона, была не раз сожжена, а в 1670-х гг. окончательно разорена. После исчезновения икону обнаружили башкиры, бросившиеся рубить ее, но внезапно ослепли. «Ослепленные они долго блуждали по лесу, пока один из них не раскаялся и не получил исцеления. Прозрев, он вместе со своими товарищами предстал пред св. иконою и молился об их помиловании и исцелении. Мать Божия услышала их молитву и всем им даровала прозрение. Но при всем том все они остались магометанами, кроме первого прозревшего, который единственный исповедал истинного Бога и принял св. крещение. Он жил, говорит предание, 130 лет, и по крещении всем и каждому с трепетом говорил: «наконец-то я узнал, как велик русский Бог!». Когда жители Табынска узнали от него о местонахождении св. иконы, то взяли ее, перенесли с подобающею честью в село Табынское и поставили впоследствии в новосозданную приходскую Вознесенскую церковь».

Написанный при необычных обстоятельствах образ Нерукотворного Спаса незадолго перед 1648 г. был принесен в с. Трехсвятское. Вскоре там был возведен деревянный храм, посвященный новообретенной святыне. В 1684 г. рядом с ним построена каменная церковь в честь Казанской иконы Божией Матери [17].

Предание гласит, что именно икона Спаса избавила Мензелинск Уфимской губернии и Елабугу от «неистовств башкирцев и других инородцев» в первой половине XVIII в. Подступавшие к Трехсвятскому «супостаты» в страхе бежали, завидев идущую от села бурю с клубами черного дыма. Подобное избавление произошло во время приступов пугачевцев к Трехсвятскому весной 1774 г. Присоединившиеся к «злодейской шайке» крестьяне окрестных деревень усмотрели в этом необычном явлении небесную помощь. В стане оборонявшихся чудотворную икону Спасителя проносили по улицам и укреплениям, служили молебны. Не менее чудесным было внезапное кратковременное ослепление Пугачева накануне штурма села 28 июня этого же года и его решение пощадить жителей Трехсвятского, оставшихся верными императрице [18].

Эти события положили начало крестному ходу с иконами. Елабужский образ впервые был перенесен в Мензелинск Уфимской губернии. Второй ход также ежегодно шествовал в деревню Спасский починок Малмыжского уезда Вятской губернии и сам г. Малмыж по обещанию жителей починка, как писал И.В. Шишкин «в ознаменование какого-то важного события в их жизни». После пугачевщины икону стали приносить в Уфу, крестный ход стал ежегодным после чудесного события, в память которого в городе возвели сначала деревянный, а затем каменный храм. Церковь в честь Нерукотворного Спаса располагалась на Казанской улице, храм внешне напоминал Казанский собор Петербурга [19]. Примечательна деталь, указанная известным краеведом Южного Урала Р.Г. Игнатьевым в описании церковной истории Уфы: в ответ на призыв преосвященного Михаила к иногороднему купечеству помочь в строительстве каменной Спасской церкви, откликнулись и елабужские купцы [20].

Со времени второго явления Богородичной иконы неподалеку от с. Табынского в память этого события местные жители установили ежегодное празднование обретения иконы в 9-ю пятницу после Пасхи, а в следующее за этой пятницей воскресенье стали совершать торжественный крестный ход с иконой на «соленые ключи», как место явления чудотворного образа. Постепенно крестный ход разрастался, охватывая все больше городов и сел Уфимской и Оренбургской губерний, превратившись в одно из значительных и продолжительных духовных шествий дореволюционной России.

Расширявшаяся география почитания икон выражалась, в том числе, в желании верующих иметь в своих храмах копии этих святынь. Существовало и сохранилось множество копий Табынской иконы в храмах Оренбурга, Уфы, Челябинска, Троицка, Костаная. Известно, что список Елабужского Спаса был пожертвован в 1848 г. для одной из церквей Екатеринбурга [21], копия этого образа находилась на горнем месте в алтаре Свято-Троицкого собора Троицка, старостой которого был В.М. Пупышев. В 1866 г. им была пожертвована на икону бронзовая, «золоченая через огонь» риза. Можно с уверенностью предположить, что инициатором приобретения Нерукотворного образа в Троицкий собор был Василий Михайлович. Кратковременное пребывание Елабуги и Троицка в руках пугачевцев могли служить дополнительным аргументом приобретения чудотворного образа в Господском храме Троицка. Указание на место явления этой иконы и, тем самым, ее отличительную особенность, содержится даже в описи имущества собора, составленной 4 апреля 1922 г.: «образ Спасителя, что

в Елабуге» [22]. О последующей участи иконы неизвестно. В июле 2016 г. стараниями епископа Троицкого и Южноуральского Григория была доставлена в Свято-Троицкий собор вновь написанная икона Спаса Нерукотворного по подобию Елабужского.

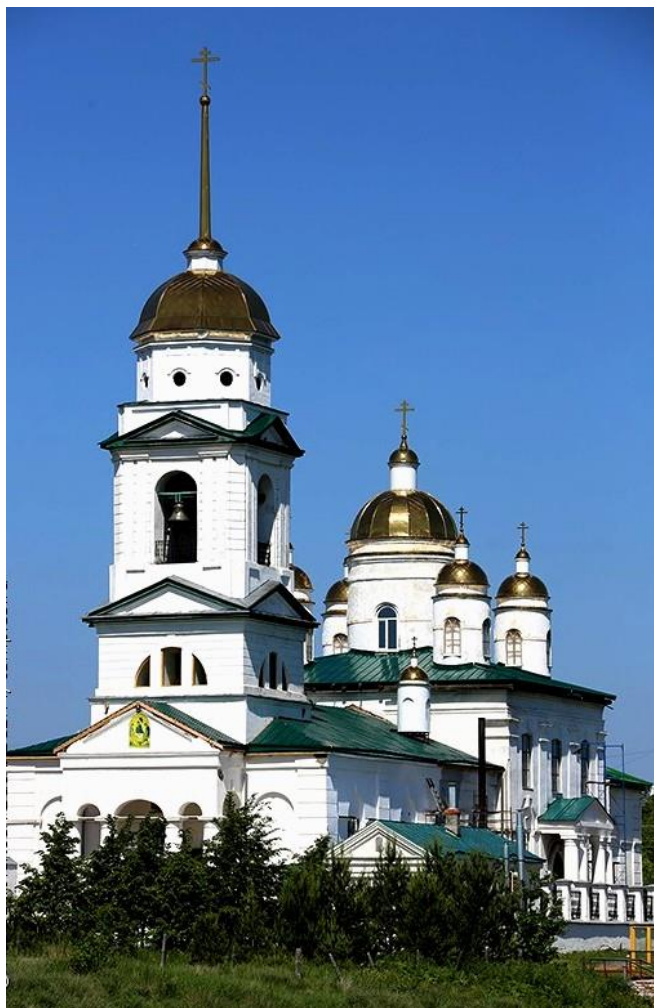


Рис. 7. Свято-Троицкий собор в Троицке



Рис. 8. *Икона Спаса Нерукотворного в Свято-Троицком соборе*

Ряд значимых для двух городов событий, происшедших почти одновременно, связан с братьями Пупышевыми. На страницах городских летописей рассказывается о визите летом 1868 г. великого князя Владимира Александровича, который совершал путешествие по восточной части империи. В это время городским главой Троицка состоял В.М. Пупышев, в Елабуге купец второй гильдии Д.М. Пупышев (вероятно, его брат). В Елабуге августейший гость был только проездом, сделав 8 августа краткую остановку на пристани. В торжественном окружении ему были представлены чиновники и городское общество, от лица которого городской глава Дмитрий Михайлович поднес его высочеству хлеб и соль [23]. За время своего пребывания в Троицке (5–6 июня), великий князь побывал на молебне в Свято-Троицком соборе, принял участие в закладке церкви во имя Архистратига Михаила, при чем, как записал в церковной летописи соборный священник Г. Аманацкий, «своеручно клал монеты золотые и серебряные ... в металлический ящик, который был опущен в углубление, заложенное своеручно Его Высочеством плитою каменною» [24].

В архитектурном отношении Елабужский Спасский собор и Свято-Троицкий в Троицке схожи, в частности, многоярусной

колокольной классического стиля, а также сосредоточением в одном здании двух церквей, т.е. двухпрестольной зимней (отапливаемой) и однопрестольной летней (холодной). Можно предположить, что когда после разрушительного пожара 1842 г. в Троицке, в том числе, сильно пострадал Троицкий собор, он был не только восстановлен, но и значительно перестроен по подобию Спасского Елабужского собора. Богослужения в соборе начались только через год, но, как писал автор очерка о В.М. Пупышеве И.И. Архангельский, до 1851 г. храм находился «в крайней скудости». В этом году старостой собора был избран В.М. Пупышев, который во многом и способствовал приведению храма в благолепный вид, который своим величием и изяществом приводил в восхищение современников. Здание значительно выросло в объеме за счет увеличения трапезной части и пристройки четырехъярусной колокольни. Вероятно, урожденный елабужанин Пупышев оказывал не только финансовое влияние в восстановлении Троицкого собора, примером для его нового внешнего вида мог быть Елабужский Спасский собор, так как его строительство в классическом стиле пришлось на годы детства и юности Василия Пупышева (1808–1837 гг.) [25].



Рис. 9. Спасский собор в Елабуге (дореф. фото)



Рис. 10. *Свято-Троицкий собор в Троицке (дореф. фото)*

Два города объединяет архитектурный облик небольшого купеческого города. Хотя Троицкая крепость была заложена в 1743 г., а Елабуга имеет тысячелетнюю историю, общность застройки была вызвана регулярным строительством крепостей и городов Российской империи в XVIII в. Архитектурно-планировочный ансамбль этих и многих других городов сложился во второй половине XIX – начале XX в. и сочетал традиции классицизма, неорусского стиля, эклектики, модерна.

В трагическом двадцатом столетии, богатом событиями чрезвычайного и глобального значения, не однажды менялось господствующее мировоззрение в российском государстве, были утрачены многие святыни, иным стал облик городов, но время испытаний позволило отделить пшеницу от плевел в мучительном выборе между мнимыми и истинными ценностями. Дух Божий творит новые формы, являя неразрывную связь поколений в том, что «едино на потребу». В конце 1990 – начале 2000-х гг. постепенно началось возвращение современников к утраченному наследию своих предков: возрождение храмов и святынь, восстановление монастырей и, конечно, возвращение к традиционным ценностям, являющимися базовыми для российского мира с его многовековой историей и культурой в многонациональном и многоконфессиональном сообществе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Архангельский И.И. Василий Михайлович Пупышев // Труды ОУАК. Т. XI. Оренбург, 1903. С. 89.
2. Руденко Г.Р. Возрождение традиций русского предпринимательства на примере Спасской ярмарки в Елабуге // IV-е Международные Стахеевские чтения: Материалы научной конф-ции в 2 т. Том I. Елабуга, 2009. С. 11.
3. Усанов В.И. История возникновения Троицкой ярмарки. Челябинск, 1993. С. 13.
4. Шишкин И.В. История города Елабуги. М., 1871. С. 44–45.
5. Есиева И.В. Мотивация благотворительной деятельности до-революционной буржуазии на примере елабужского купечества // III-е Международные Стахеевские чтения: Материалы научной конференции. Елабуга, 2008. С. 137.
6. Архангельский И.И. Материалы для истории города Троицка. Труды ОУАК. Вып. IX. Оренбург, 1902. С. 95.
7. Сведения по епархии // ОЕВ. 1897. № 19. Часть офиц. С. 105.
8. Шишкин И.В. Указ. соч. С. 47.
9. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 2007.
10. Елдашев А. М. Казанско-Богородицкий женский монастырь: Вехи истории. <http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/two/articlefive/>.
11. Елдашев А.М. Елабужский Казанско-Богородицкий женский общежительный монастырь // <http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/two/articlefive/>.
12. ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6638. Л. 20–20 об.
13. Сергеев В., иер. История Табынской иконы Божией Матери. Б/м., 2004.
14. Шишкин И.В. Указ. соч. С. 37.
15. Модестов Н. Табынская икона Божией Матери. Оренбург, 2001. С. 15.
16. <http://vera-istina.ucoz.ru/sv-mesta/Spas.pdf5.02.2013>.
17. Шишкин И.В. Указ. соч. С. 16.
18. Шишкин И.В. Указ. соч. С. 26–27, 30–34.
19. Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. Уфа, 1899 / сост. И. Златоверховников // Уфимская епархия Русской Православной Церкви: справ.-путеводитель / авт.-сост. П.В. Егоров, Л.Г. Рудин. М., 2005. С. 69.
20. Игнатъев Р.Г. Епископ Михаил, бывший Оренбургский и Уфимский. По случаю 40 лет от дня кончины его. Москва, 1898. С. 92.

21. Шишкин И.В. Указ. соч. С. 38.
22. АО Троицкого р-на. Ф. 161. Оп. 2. Д. 23. Л. 23 об.
23. Иванов А. Августейший гость в Елабуге // <http://elabuga.bezformata.ru/listnews/avgustejshij-gost-v-avguste-v-elabuge/1112763/>
24. Архангельский И.И. Материалы для истории города Троицка. С. 31–32.
25. <http://vera-istina.ucoz.ru/sv-mesta/Spas.pdf>.

Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года: духовный подвиг православного духовенства Северного Казахстана

Виниченко Сергей Николаевич
историк, краевед

***Бодрствуйте, стойте в вере,
будьте мужественны, тверды.***
Епископ Мефодий

В далёком прошлом остались события вековой давности, оставившие глубокий след в народной памяти. Восстание 1920-21 годов, обозначенное в советской историографии как белогвардейско - кулацкий мятеж, по своей значимости и охвату значительно превосходит Тамбовский и Кронштадский мятежи. Судьбы его участников, как правило, трагичны. Исследовательская работа осложнена тем, что документы об участии повстанцев и им сочувствующих малочисленны, а места захоронений и вовсе неизвестны. Краснозвёздные обелиски, разбросанные по всему Зауралью и Северному Казахстану, обветшавшие и заросшие травой, хранят останки павших за дело революции, а у «мятежников» нет мест упокоения. Есть в бесконечных расстрельных списках и священнослужители. Они представляли особую опасность для атеистической власти, так как пользовались огромным авторитетом у крестьян и казаков.

Позиция православного духовенства понятна даже из небольшого отрывка из обращения к повстанцам:

«Святая Русь не раз терпела Господне испытания, которые он ниспосылал за грехи людей... Теперь перед Православной Церковью снова стоит страшный враг – большевики, не признающие Бога и ничего Святого. Этому врагу нужно объявить беспощадную борьбу. С глубокой Верой в душе, с оружием и Крестом в руках мы победим. Идите вперед. Пусть почит на вас благословение Божие».

Крестьянско-казачье повстанчество 1921 года можно рассматривать как религиозное движение в защиту Православия от государственного атеизма взявших власть коммунистов. В пользу

такого вывода говорит многое: лозунг восставших: «С нами Бог!», участие в движении священно- и церковнослужителей, молебны и крестные ходы, постановления вернуть в госучреждения иконы, в школы – Закон Божий и т.д. [1, с.286].

16 февраля 1921 года началась зачистка Петропавловска отрядами Красной армии от восставших. Ожесточенное сопротивление на улицах города продолжалось весь день. Лишь ближе к ночи напуганные обыватели покинули подвалы и погреба и вернулись в квартиры. Н.И. Корицкий, подавлявший восстание, телеграфировал вечером этого дня в Центр: «Город занимали бандиты и примкнувшее к ним население, всего около 2000 человек. Вчера город до вечера был до половины занят нами, а сегодня вполне очищен. После этой ликвидации было приступлено к повальному обыску, производятся аресты и расстрелы спрятавшихся в домах бандитов» [2, с.199].

Камеры петропавловской тюрьмы были переполнены. «Много повстанцев зарублено, а остальные бежали в панике, бросая оружие...». К.и.н. В.А.Шулдяков считает, что после изучения оперсводок и частного письма о том, что коммунисты провели в станице Петропавловской повальные обыски, массовые аресты и каждого пятого расстреляли, не кажется сомнительным» [1, с.211].

17 февраля в 2.25 ночи по приговору чрезвычайного полевого военного трибунала были расстреляны: епископ Петропавловский и Акмолинский Мефодий (Михаил Краснопёров) и казаки ст. Новоникольской Кыжанов Иван, ст.Надеждинской Щеголев Иван, ст. Бишкульской Курченков Антон, ст. Архангельской Кузьмин Терентий, Михайлов Иван, Прокофьев Трофим,Сергеев Ефим, Соломонов Григорий, Фёдоров Петр и Филиппов Никита. [3, с.543]

М.А.Березин ссылается на документ, в котором говорится, что арест викария Омской епархии был проведен 16 февраля военным трибуналом войск охраны железнодорожной линии Омск-Челябинск под председательством Н.И. Корицкого за участие в восстании. С ним были расстреляны еще 10 казаков в 2.25 ночи 17 февраля. [4].

Во время расправы над участниками восстания советская власть получила повод для разгрома церковной организации. По обвинению в участии в восстании без суда и следствия были убиты настоятельница Архистратиго-Михайловского женского монастыря игуменья Евпраксия с монахинями Феофанией и Серафимой, священник станицы Пресногорьковской о. Василий Преображенский, священник села Благовещенского о. Владимир Панькин, ныне канонизированный священномученик, священник села Белово Григорий Ячменёв, в

омской тюрьме скончался священник станицы Пресновской о. Стефан Андреев. Многие священнослужители были арестованы, некоторые из них по приговору чрезвычайной тройки ВЧК по Сибири были расстреляны: священник с. Бугрового о. Александр Знаменский, священник с. Метлишино о. Константин Кузовников.

С.Ф.Шатилов пишет, что вместе с епископом Мефодием были убиты: «несколько священников Вознесенского собора, имена которых пока неизвестны, обвиненные в том, что якобы колокольным звоном встречали восставших при захвате ими Петропавловска. Коммунисты не приняли во внимание того, что восставшие пришли ровно в 4 часа дня, когда, как всегда, заблаговестили к вечерне. Тело архиерея долгое время лежало на пустыре, на пути к вокзалу – для назидания. Некоторые из священников по приговору судов были отправлены в концлагеря» [5]. Существовали и другие версии казни епископа Мефодия:

17 февраля 1921 года владыка служил Божественную литургию в Никольской церкви в Петропавловске. После молебна он вышел со словом примирения на площадь к собравшемуся перед храмом народу — и здесь перед храмом был убит. Епископ Мефодий был заколот штыками; уже убитому епископу красноармейцы нанесли еще несколько штыковых ран, а затем в одну из ран вонзили крест [6].

За двенадцать лет перед мученической кончиной, ещё будучи архимандритом, проповедуя в уфимском кафедральном соборе при архиерейском богослужении в Неделью Крестопоклонную, он говорил: «Нам надо глубоко запечатлеть в мыслях и сердце, что если мы хотим жить разумно, осмысленно, истинной духовной жизнью, следовать за Христом, то нам придется постоянно бороться за идеалы духовной жизни, постоянно испытывать в этой борьбе скорби и страдания. Но зато эта борьба, эти скорби и страдания очищают нас от греха, возвышают дух и ведут к победе, к славе, к нетлению, к бессмертию. Позади своего креста или в конце своего крестного пути мы увидим светлый Лик Господа, Его святую десницу, которая поддержит прикосновением благодати ... [7].

Епископ Мефодий канонизирован как священномученик. Место захоронения неизвестно.



Фото 1. *Епископ Мефодий (Красноперов)*

О судьбе монахинь Архистратиго - Михайловского монастыря автор услышал впервые от старожилков еще в 70-е годы прошлого века. Многолетние поиски привели к написанию его истории.

В сорока верстах восточнее Пресногорьковки в березовой роще лежат развалины женского монастыря, в стенах которого более столетия назад кипела жизнь. Он имеет свою короткую, но интересную историю. Его основательница Анна Васильевна Петухова родилась в 1857 году в поселке Камышловском (*ныне не существует – прим. автора*) Петропавловского уезда. В 1885 году она вышла замуж за есаула Алексея Прохоровича Казина. Молодые поселились в

Пресногорьковской в большом двухэтажном доме старого полковника Казина с лавкой в цокольном этаже.

Алексей недолго пожил в доме отца с молодой женой. По пыльному казачьему тракту увез ее в Омск, где служил в одной из сотен 1-го военного отдела. Однако этот период продолжался недолго – в студеном январе 1890 года есаул Казин скоропостижно скончался. Анна, выдержав страшный удар судьбы, приняла решение: основать на доставшемся в наследство от полковника Казина земельном участке женский монастырь. Земля здесь была удобна для хлебопашества и сенокосения, на участке рос березовый лес, в долине – пресноводное, богатое рыбой озеро. О своем решении Анна Васильевна сообщила благочинному 1-го Петропавловского округа, священнику церкви в станице Пресновской, о. Никанору Попову. Благочинный, понимая, какие заботы ложатся на плечи хрупкой женщины, предупредил ее о предстоящих трудностях, о заботах и хлопотах по устройству и существованию общины. На это казачка ответила: «Личное мое счастье Господь отобрал, хочу послужить Богу и родному народу. Благословите и помолитесь за меня, грешную».

В 1897 году в березовом лесу неподалеку от станицы Пресноредутской были вырыты землянки для будущих насельниц женской общины. На строительство были использованы средства от продажи дома в станице Пресновской, оказали помощь отец и Николай Казин. В создании общины огромную роль сыграли соратницы Анны Васильевны – дворянка, дочь офицера поселка Сибирского Наталья Прокофьевна Панкова и вдова вахмистра поселка Усердненского Пресногорьковской станицы сестра Лепехина. По словам очевидца событий протоиерея Григория Яковлева, «Эти три женщины, две дворянки и казачка, соединясь во имя Божьей любви к людям, стали трудиться над устройством жизни и счастья других людей. На маленький, светящийся в степи маячок стали стекаться судьбой обиженные, униженные, осиротелые и обойденные судьбой русские женщины и жизнь во вновь возникшей тихой пристани началась по уставу православных русских женских общин».



Фото 2. *Игуменья Евпраксия (Казина) с сестрами общины (фото г.Катанаява, 1896 год)*

Летом следующего года из своего леса была выстроена крытая тесом часовня, вмещавшая до 30 человек, и три деревянных жилых дома. Насельницы распахали и посадили шесть десятин пшеницы, развели большой овощной огород, заготовили сено и дрова на зиму. Из окрестных казачьих станиц и переселенческих поселков стали поступать пожертвования. После того, как община приняла девочек – сирот, жители Петропавловского, Кокчетавского, Атбасарского, Троицкого уездов, городов Кургана, Шадринска, Челябинска, Омска, Екатеринбурга, Тюмени и даже великий молитвенник земли Русской о. Иоанн Кронштадтский стали посылать денежную помощь, книги и одежду.



ОМК 4117/30

Фото 3. Строительство часовни в монастыре (фото Г. Катанаева)

Седьмого ноября 1901 года Святейший Правительственный Синод утвердил «представление Преосвященного Омского Сергия об учреждении женской общины с именованием ее Архистратига – Михайловскою... На участке проживают до 50 насельниц, занимающихся земледелием и ремеслами, для совершения богослужения имеется небольшой молитвенный дом и сооружается новый храм, есть школьное здание и дом для священника».

Летом 1902 года был освящен поместительный деревянный храм во имя Святой Троицы. Приехавший на торжество Преосвященный Омский Гавриил 15 мая 1906 года постриг в монашество Анну Васильевну, с наречением имени Евпраксии. В 1905 году открылась школа для десяти учащихся, в ней преподавала Параскева Забалуева. В 1907 году казначеей общины служила Апполинария, благочинной была Виталия, обязанности церковной старосты выполняла Ангелина, в качестве экономки работала Ирина Распопина. 11 января 1909 года Евпраксия была возведена в сан игуменьи монастыря. Ближайшие ее сподвижницы также приняли духовные имена – Евстолия, Епифания, Серафима, Аркадия, Нина, Ефимия, Еликонида, Евлампия, Анна. 19 января 1908 года община была

переименована в общежительный монастырь. В нем имелись жилые помещения: дома священника (четырёхкомнатные), дом начальницы, здание школы, больница, двухэтажный каменный дом для приезжих, 15 зданий для сестер, мельница, деревянная церковь. Скот: 20 лошадей, четыре пары волов, 17 коров, 60 овец, 22 теленка. Сельхозорудия: жнея, сеновязанка, плуг, молотилка.



Фото 4. *Церковь Св. Троицы в монастыре 1903 год*

Монастырь рос. В 1905 году в нем было 85 сестер- послушниц, в 1906 - 112, в 1907 – 122 девушки. Через несколько лет после игуменья Евпраксия обращается с письмом к Императрице Александре Федоровне: «Будучи пионером христианства, в таком глухом углу, как Киргизская степь, монастырь дает приют уже 154 сестрам и призывает 20 девочек, круглых сирот. Содержится монастырь исключительно на средства, приобретенные трудом сестер, из которых большая часть старух немощных, и в их числе 6 слепых...». Настоятельница заботится о школе, «этом рассаднике знания в духе православия, самодержавия и народности», поэтому просит Царицу выделить средства на строительство «благотворительного» храма и школы.

К 1915 году, благодаря помощи Синода, были построены две церкви (страховые оценки по 10000 рублей), часовня, просфорный дом, больница, хлебопекарня, дом священника, баня, трапезная, двухэтажная каменная школа. Монастырь обзавелся сельскохозяйственной экономией, расположенной у озера за версту от усадьбы, с ветряной мельницей, кузницей, большим количеством лошадей, дойных коров, быков. Была куплена паровая молотилка. Монастырь имел мельницы в Звериноголовской и Петропавловске, содержал подворье в Омске (угол Тюремной и Вдовьего переулка, заведующая монахиня Магдалина) и Кургане (по ул. Мяготина, 106). У самого дома игуменьи вырос большой сад. Собирали в нем крыжовник, клубнику, малину, яблоки. Вся огромная территория березового леса была окопана глубоким рвом (*выкопан в 1908 году наемными рабочими – прим. автора*). К центру была проведена высокая насыпь, по ней приезжали гости, шли богомольцы со всей округи.

Мужчин в монастыре было двое – священник (последовательно - Николай Попов, Авенир Константинов, Александр Соколов, Иван Симонов, Павел Парханов) и дед - мельник, ловивший рыбу для общины в круглом озере.

Монахини из казачьих семей несли послушание в рукодельных группах, иконописной, чеботарне, просфорне, работали доярками, птичницами, сеяли и убирали хлеб. В храмах монастыря шли ежедневные богослужения. Деятельность старых монахинь была строго регламентирована. Одна занимала должность казначея, другая несла ответственность за внутренний распорядок службы, третья руководила хором.

О хоре вспоминали те, кто был на службе в храме: «Это было красивое, волнующее, театральное исполнение. Церковный хор в исполнении 20 прекрасных молодых голосов под руководством дочери казака станицы Крутойярской Марии Бобровой, приводил молящихся в восхищение, вызывая слезы на глазах. Священник о. Иван Симонов имел сильный голос и, бывало, подхватит какую-нибудь ноту вместе с хором, кажется, будто церковь поднимается в воздух». Сохранились несколько фамилий монашек из окрестных станиц – Анфиса Лещева, Луша Подгузова, Таня Львова, Зина Дедова, Нюра Смыслова, Сима Песьяная, Нюра Косоногова, Нина Конгурцева, Марфа Смыслова...А сколько их прошли школу монастыря! В 1911 году игуменью Евпраксию за подвижничество Священный Синод наградил наперсным крестом.

По воспоминаниям очевидцев, в 1917 году Евпраксия была хорошо сохранившейся женщиной. На лице ее почти не было морщин, еще видны были следы былой красоты. Полная, с гордой осанкой, она всегда

во время богослужения проходила через всю церковь к своему месту, толпа молящихся с трепетом и поклонением расступалась, давая ей дорогу. С обеих сторон ее поддерживали две монашенки, третья несла позади черный шлейф. Около иконостаса она садилась в огромное обитое черным бархатом кресло. Разговаривали с ней через специальную трубку, так как она стала плохо слышать после смерти мужа.

Игуменя с сестрами с огромной тревогой восприняли октябрьские события 1917 года. Монахини стали свидетелями жестоких боев между казаками Сибирского корпуса и красноармейцами 5-й армии осенью 1919 года. Игуменья Евпраксии было ясно, что близится конец делу всей ее жизни. Но, пока шла братоубийственная Гражданская война, у богоборческой власти не доходили руки до расправы с монастырем.

В феврале 1921 года началось Западно – Сибирское восстание казаков и крестьян против Советской власти. Оно было безжалостно подавлено регулярными частями Красной армии. В конце зимы монастырь был захвачен пресногорьковским отрядом ЧОН. Обвинив монахинь в том, что они снабжали оружием повстанцев отряда есаула Ивана Дурнева и прятали руководителей восстания, чоновцы арестовали игуменью Евпраксию, монахиню Феофанию, несущую послушание монастырского казначея и матушку Серафиму. Их увезли в Макарьевку и расстреляли на льду озера Церковного, против огородов Макара Садового и дядьки Прасола, у северо – западного берега. Убитые пролежали под мартовским небом всю ночь, а наутро тел не оказалось. Лишь спустя год их местонахождение было обнаружено комиссией по изъятию церковной утвари - прах покоился в главном алтаре Троицкой церкви монастыря (в советское время в храме располагалась школа). По свидетельству очевидцев тела были обезглавлены, на груди игуменьи лежала большая черная книга. Той ночью молодые монашки, следовавшие за отрядом и бывшие свидетелями казни, погрузили замерзшие тела на телегу и привезли в монастырь. Власти, с целью опровержения слухов о вознесении монахинь, выставили их останки на всеобщее обозрение. Тела были похоронены у небольшой часовни поселка Песчанка. Старожилы окрестных поселков считают, что пьяные чоновцы ковалевского отряда забрали сестер из-за сокровищ игуменьи, которые, будто были спрятаны ею в монастыре. Местные хорошо знали участников расстрела. Об этом говорит такой факт - через два десятилетия, в годы войны, в Макарьевку привезли анновского крестьянина Филиппа Порфирьевича Журавлева, который должен был сменить на посту председателя колхоза Ивана Руфовича Виниченко. Жители знали об участии его в расстреле и не хотели голосовать. Несмотря на это Журавлева утвердили председателем. Жил один,

на отшибе, ни с кем не общался. Ковалевский отряд был расформирован в мае 1921 года. Его действия даже чекистам показались жестокими.

Об этом свидетельствует записка от 12 мая 1921 года руководства Курганского уезда командующему войсками Петропавловского уезда и Челябинскому губисполкому Советов: «...из юго - восточного сектора уезда, где оперирует отряд Ковалёва по борьбе с бандитизмом, получают сведения, не подлежащие сомнению и проверке, о том, что отряд деморализующе действует на население, остающееся до сего времени верным к советской власти, своими бесосновательными действиями по конфискации имущества без оформления этого актами и протоколами (им допущено до 30 конфискаций), бессистемно проводимому террору (так, им расстреляны без суда служители культа и граждане в Боткинской, Байдарской и Саломатовской и других волостях, по заверениям волисполкомов, люди лояльные к госстрою), по самоснабжению своего отряда на глазах населения. Принимая во внимание, что дальнейшее такое бестактное поведение т. Ковалёва с точки зрения политической этики терпимо быть не может, в то же время, ценя его заслуги по борьбе с бандитизмом и зная, что он непосредственно в служебном отношении не подчиняется командованию нашего уезда, настоящим уисполком просит Вас принять соответствующие меры к укрощению пылкого командира и призвать его к порядку в порядке команды, иначе уисполком вынужден будет отказаться от услуг т. Ковалёва, как бы ценны они не были».

Конечно, у читателя вызывают удивление приведённые в документе фразы «бессистемный террор» и «бестактное поведение» в отношении населения, но времена были тяжёлые и такого рода формулировки были в ходу. Даже известный писатель Иван Петрович Шухов называл отряд не иначе как «банда Ковалева», а ведь он был очевидцем событий [8, с.566].

После разгрома восстания монастырь был разграблен. Монахини разбрелись, куда глаза глядят. Они были опасны для новой власти и подвергались преследованию. Зинаида Владимировна Дедова (1885 – 1934 гг.) вместе с монахиней Хавроньей после ухода из монастыря служили в молельном доме села Филиппово, устроенном местными крестьянами в небольшой землянке. В Чулошном жила монахиня Марьяна, арестованная за свою пасторскую деятельность. Монахини продолжали дело своей невинно убиенной игуменьи.

Храм превратили в клуб. В алтаре, где нашли тела монахинь, была устроена сцена. В экономии на берегу озера открыли социалистическую сельхоз артель «Труд». В дальнейшем здесь был детский дом, в

котором жили дети «врагов народа». Бывший священник Павел Дмитриевич Парханов служил в нем фельдшером и заведовал аптекой. Детдом просуществовал до середины 60-х годов. В послевоенные годы детгородок, по описанию Николая Лавринова, выглядел так: «Миновав последние деревья на бугре, оказываюсь в поселочке с теми же, что и до войны несколькими одноэтажными домиками, двумя двухэтажными зданиями и двумя сооружениями, по – прежнему непривычной формы, с неестественными кровлями, напоминающими теперь почему-то всадников без головы. Это - приспособленные под клуб и школу церкви бывшего женского монастыря. Потемневшие от времени строения, остатки садовой изгороди отдавали стариной, казались ветхими и тоже игрушечно маленькими. Непривычно тихо и безлюдно даже по сельским представлениям». Последний директор детского дома Николай Петрович Расюк рассказал автору о находке в старом подвале храма (в советское время – клуба) трех черепов с характерными отверстиями. Их нашли в 1966 году и погребли там, где много лет назад положили монахинь. Место захоронения в наше время определить не удалось – часовни давно нет, как нет и старушек, знавших эту историю.

В 2009 году от всего огромного комплекса монастырских зданий остались лишь стены двухэтажной школы и 1-ый этаж дома священника. В нескольких десятках саженей от этого дома на запад высится большой холм – все, что осталось от некогда великолепного храма во имя Святой Троицы. В ее стенах в 50-е годы располагалось здание клуба. Где-то здесь, на церковном погосте, покоится прах есаула Казина. Местность покрыта остатками фундаментов различных сооружений, заросших кустарником и молодыми березами. По краю крутого склона проходит еле заметная борозда – ров, опоясывающий территорию монастыря, время почти сровняло насыпь дороги, петляющей вдоль озера к Макарьевке. В монастырском саду тишина. Опавший лист толстым слоем устилает землю. Изредка хрустнет под ногами ветка. Десяток огромных столетних сосен составляют аллею (*за проступок каждая монашка должна была посадить деревце и ухаживать за ним – прим. автора*), по которой некогда любила гулять игуменья, даже через сто лет видны остатки посаженных тогда деревьев, различима планировка парка из акации и сирени. Завершает строй сосен два сросшихся гигантских, в три обхвата, карагача. Дом игуменьи стоял у плодового сада, от него остался небольшой холм. Вид, открывающийся с гребня, на котором в 1897 году открыли первые землянки, очень красив – глубокая долина, озеро, приволь-

ная лесостепь. Посещение этого места оставляет в душе человека глубокий след – здесь существует поверье, что души расстрелянных монахинь неприкаянно бродят по окрестностям.

Подвижнический вклад игуменьи Евпраксии в развитии основ православного христианства в нашем крае трудно переоценить. До сих пор на Пресногорьковской линии пожилые люди вспоминают много хорошего о монастыре и его настоятельнице. Будем же и мы хранить память о настоятельнице Архистратиго – Михайловского монастыря, крестный путь которой и мученическая смерть явили нам пример беззаветного служения Господу...



Фото 5. Игуменья Евпраксия (фото из архива автора)

В 2015 году казаки Кустанайской общины сибирских казаков (войсковой старшина *Шилов Олег Геннадьевич*) установили поклонный крест на месте, где некогда располагался алтарь Троицкой церкви и прикрепили памятную доску на стену монастырской школы.

Архистратиго-Михайловский монастырь официально признан сакральным местом Северного Казахстана и взят под охрану государства.

В заключение следует отметить то обстоятельство, что поиски документальных свидетельств о мученической кончине ряда священников, игуменьи и сестер пока не увенчались успехом. Расстрельные команды не спешили доверить бумаге свои преступления, совершая издевательства и убийства без приговоров и записанных допросов. Устного приказа командира было вполне достаточно, чтобы «отправить к Духонину» (*расстрелять* – прим. автора) любого известного и любимого в народе человека, будь он писателем, генералом или священником. Автору известно по многолетнему опыту работы с историей человеческих судеб, что сами участники расстрелов и их потомство становились горькими пьяницами, уголовными преступниками и, за редким исключением, заканчивали плохо свой земной путь.

Хочется надеяться, что Господь даст в руки будущим исследователям доказательства гибели за Веру православных подвижников.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска.1920-1922. Т.2.-М.,2004.- 607
- 2 Сибирская Вандея, т.2.- М.,2001. с.199.
- 3 Шулдяков В.А. Сибирское казачье войско в Западно-Сибирском восстании 1921 года.-//в кн. Двадцать первый. Красная весна. - Ишим, 2021. 672 с.
- 4 РГВА.Ф.1393.оп.1.д.94.л.2(Управление 21-й сд внутренней службы)
- 5 Шатилов С.Ф. Почитание новомучеников: современное состояние проблемы // Электронный источник.:<http://www.hvs.kz/pochitanie-novomuchenikov-sovremennoe-sostoyanie-problemy>
- 6 Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Джорданвилл, 1957. Т. 2. С. 105.
- 7 Житие, <https://azbyka.ru/days/sv-mefodij-krasnoperov>
- 8 Шухов И.П. Очерки. Воспоминания. Письма.-т.5.-Алма-Ата. 1983.718 с.
- 9 Виниченко С.Н.Крестный путь игуменьи Евпраксии,-//в альм. Тобольск и вся Сибирь. Сибирское казачье войско.т.14.-Тобольск. 2011. 596 с.

- 10 Виниченко С.Н. Исход. Трагедия горьколинейных станиц в начале XIX века.-Курган, 2012.
- 11 Виниченко С.Н. Станица Пресногорьковская и сибирские казаки в восстании 1921 года.//в кн. Двадцать первый. Красная весна.-Ишим, 2021.672 с.
- 12 Виниченко С.Н. Расстреляны и забыты.
<https://pkzsk.info/rasstrelyany-i-zabyty-istoriya-arkhistratigo-mikhajlovskogo-monastyra/>

О Федоровской чудотворной иконе преподобной Марии Египетской

*Митрофорный протоиерей Валерий Захаров,
настоятель Свято-Никольского собора
г. Алматы*

«В середине восьмидесятых годов Кустанайскую область с архипастырским визитом посетил епископ Алма-Атинский и Казахстанский Евсевий. Я тогда был секретарем епархиального управления и сопровождал владыку во время этого визита. Побывали мы с владыкой Евсевием и в поселке Федоровка. В начале 80-х годов в поселке Федоровка был построен новый храм, в честь святителя Николая Чудотворца. И вот когда состоялось посещение этого нового храма, то отец Павел Бычков пригласил нас с владыкой спуститься вниз в подвальное помещение и там он показал нам одну икону, как он сказал чудотворную. Икону преподобной Марии Египетской. Также о. Павел поведал нам историю обретения этого чудесного образа, который, по его словам, был написан еще в дореволюционные времена и пребывал после этого в местной церкви, вплоть до ее закрытия в 30-е годы XX-го века. После закрытия церкви были утеряны многие храмовые иконы, в том числе и икона преподобной Марии Египетской. И вот, через несколько лет, по словам о. Павла, произошел следующий, достаточно трагический случай, в результате которого состоялось повторное обретение этого чудотворного образа. Не могу точно сказать, была ли это ранняя зима, или начало весны, уже пригревало солнце, но было достаточно прохладно. Дети учились в школе. Вышли на большую перемену. И как это обычно бывает, детишки побежали на льдину, стали играть и произошла трагедия. Льдина треснула и один из мальчиков, учащихся этой школы, оказавшись на льдине стал постепенно отдаляться от берега. Естественно среди школьников возникла паника, никто не мог ничего по-настоящему ничего предпринять, чтобы каким-то образом его спасти. Пока дело дошло до взрослых, льдина достаточно далеко отошла от берега, а при этом еще спустился и густой туман. Льдина отошла достаточно далеко от берега, из-за тумана невозможно было ничего увидеть. Пытались кричать, ничего не помогало, и только на утро, когда развеялся туман, то увидели, что эта льдина, чуть ли не на середине озера, и на ней лежащий, не понятно, толе уже умерший мальчик, потому что он выбежал в одной

легкой одежде, никто ничего не знал. И каково же было удивление, когда уже взяли лодки, подплыли, то обнаружили, что этот мальчик оказался живым. Естественно его доставили на берег. Там естественно его откачали, отогрели. И когда он уже полностью пришел в себя, то рассказал следующую историю. Когда он отплывал, то он очень испугался, но при этом он услышал некий голос, который непонятно откуда исходил, и этот голос ему возвещал, что если ты возьмешь мою икону, то ты останешься жив. И он обещал, что он обязательно возьмет эту икону, о которой он ничего еще не знал. И он потом своей маме рассказал, а ведь это были страшные тридцатые годы, все всего боялись. И он маме своей поведал, что этот голос возвестил ему о месте, где должна была находиться икона. Мама не взяла своего сыночка, а рассказала своим подругам, и они вдвоем отправились туда глубокой ночью, потому что боялись. Оказалось, что это место находилось за каким-то хлевом, какая-то навозная куча. Они раскопали эту кучу, стали лопатами врезаться в землю и докопались до того места, когда невозможно было уже дальше копать. Лопата уперлась в какую-то доску. Они надеялись, что они очень легко поднимут эту доску, но сколько не предпринимали они усилий, у них ничего не получалось. И вот тогда мать того мальчика сказала — это же мой сын обещал взять эту икону. Они позвали сына, привели его на это место и с его помощью, с помощью Божией эта икона была поднята. К великой радости было обнаружено, что это образ преподобной Марии Египетской, потому что она лежала лицевой стороной в землю, а то что они откопали, это была тыльная сторона иконы. Естественно они принесли эту икону домой. Храм естественно был уже к этому времени закрыт. Они отмыли икону и поставили ее святой угол. Мальчик возматал, закончил школу, закончил какое-то учебное заведение, которое позволяло стать ему педагогом в этой же сельской школе. И вот когда он стал уже педагогом, то к нему естественно приходили сослуживцы по школе, и они задавали вопрос, как же так, ты советский учитель, и почему у вас в доме весит икона, образ, и это несовместимо с той деятельностью, которую совершаешь ты. Это было временем перед самым началом второй мировой войны, это уже был 41 год. Была для него предоставлена отсрочка от армии, потому что он был преподавателем. Но в связи с ухудшающимся положением бронь потом с него была снята. Но перед этим произошло следующее. Все-таки под давлением он все-таки уговорил маму убрать икону со святого угла, перенести ее со святого места. Я лично усматриваю в этом прямую связь, то что потом произошло, но кто-то может сказать, что это было совпадение. Он получает че-

рез некоторое время повестку, призывающую в ряды защитников родины. Он отправляется на фронт и к сожалению, где-то в ближайшее время погибает, даже еще не достигнув линии фронта. Когда уже после 1944 года была образована Казахстанская епархия, когда на епископскую кафедру был назначен владыка митрополит Николай, тогда в Федоровке одним из первых в Кустанайской области был открыт Никольский храм, который в последующие годы о. Павлом Бычковым был перестроен, и в этот храм была принесена вот эта икона, икона преподобной Марии Египетской. И этот образ тогда, в то время, и, наверное, уже и сейчас считался чудотворным образом, от которого происходили и должны происходить многие исцеления. И когда об этом нам рассказал отец Павел, я, взглядываясь в образ иконы преподобной Марии, подумал, как жаль, что у меня нет образа чудеса дома этой преподобной Матери. И приезжаю я в Алма-Ату, и на одной из первых служб, после окончания службы, я иду совершать панихиду, и смотрю на панихидном столике стоит икона преподобной Марии Египетской, один в один, только естественно была очень маленькой, по сравнению с той иконой, которая находится в Федоровском храме. И я спрашиваю, у той послушницы, которая была за панихидным столом, что это за образ, кто это принес его, кому принадлежит он. Она говорит — батюшка, даже не знаю. Кто-то принес, поставил. Чей это образ не знаю. Я говорю — а можно я его заберу. Она говорит — конечно можно. Так попал ко мне вот этот образ. И когда в начале двухтысячных годов, владыка Антоний, который управлял в то время Кустанайской епархией, а она входила в то время в состав Уральской епархии, находился у нас дома, я во время трапезы рассказал ему эту историю. А он должен был лететь в Москву, а у него не получалось. Был день тезоименитства Святейшего Патриарха Алексея, а у него не получалось с вылетом, потому что это были очень непростые годы, тогда не было бензина, множество рейсов отменялось, и он никак не мог вылететь и попасть к дню ангела Святейшего Патриарха. И он говорит: а ты покажи мне эту икону. А я говорю — так вот, она находится в Вашей спальне, где Вы почиваете. Он подошел, помолился и в этот же день ему позвонили и сказали: срочно езжайте в аэропорт, через два часа отправляется самолет на Москву. И после этого владыка мне говорил, что, когда он вернулся в Уральск, он специально заказал образ Марии Египетской и написал ее в рост в рост той иконы, которая находится в Федоровском храме, здесь вот на Кустанайщине. Такой вот удивительный чудотворный образ преподобной Марии Египетской находится в Никольском храме поселка Федоровка и поэтому хотелось бы, чтобы о нем знали как можно больше православных христиан».



Фото 1. Икона святой праведной преподобной Марии Египетской в храме Св. Николая Чудотворца в п. Федоровка Костанайской области

О иконе исповедника веры святителя Тимона (Русанова)

*Ряполов Иван,
иконописец*



Священноисповедник Тимон

«Кто не знает своего прошлого, не может быть достоин будущего». Эту фразу неоднократно повторяли наши предки, опираясь на историю и на опыт предыдущих поколений. Современный человек, по сравнению со своими предшественниками, живет намного лучше, но он постепенно начинает терять память о тех людях, которые страдали и умирали за его же благополучие и за Православную веру.

Икона является неотъемлемой частью православной традиции. Без икон невозможно представить интерьер православного храма. В доме православного человека иконы всегда занимают видное место. Почитание икон Спасителя, Богоматери, Ангелов и святых есть догмат христианской веры, сформулированный Седьмым Вселенским Собором, догмат, который вытекает из основного исповедования Церкви — воочеловечения Сына Божия. Его икона является свидетельством истинного, а не призрачного Его воплощения. Поэтому иконы справедливо называют часто «богословием в красках», а Григорий Двоеслов называл церковные изображения «Библией для неграмотных». Иконы на Руси появились в результате миссионерской деятельности византийской Церкви. Византия не только познакомила русских художников с новой для них техникой живописи, но и дала им иконографический канон, неизменность которого строго оберегалась церковью. Православная церковь никогда не допускала писания икон с живых людей и требовала четкого соблюдения канона, закреплявшего те особенности иконописных изображений, которые отделяли «горний» (божественный) мир от «дольнего» (земного). Русские иконописцы, наследники великой византийской традиции, постепенно выработали свой собственный стиль, следуя при этом классическим канонам писания икон и обновляя драгоценное религиозное наследие. Иконопись Древней Руси — одна из признанных вершин мирового искусства, величайшее духовное достояние нашего народа. Это связано с тем, что древнерусская иконопись своеобразное, неповторимое явление в котором все имеет особый смысл: цвет красок, строение храмов, жесты и положения святых по отношению друг к другу. Условность письма должна была подчеркивать в облике изображаемых на иконе лиц их неизменную сущность, духовность. Поэтому фигуры носят плоскостной, а не объемный характер. Использовалась особая система изображения пространства и временных отношений (то есть в иконе нет времени, поскольку она отражает вечность).

Условный золотой фон иконы символизировал Божественный свет. Всё изображение пронизано этим светом, фигуры не отбрасывают теней, так как в Царствии Божием теней нет. Это искусство глубоко символично, каждая деталь — это символ, пропустив который можно утратить смысл целой фразы. Наряду с символическим характером художественного выражения на иконах необходимо отметить, что всё изображаемое на них не имеет так называемого третьего измерения, т. е. Концепция разворачивается не вглубь, а по сторонам, вследствие чего изображение подчинялось плоскости иконной доски. Фигуры были нарочито

утончёнными и вытянутыми, что придавало образу более одухотворенный и возвышенный, легкий вид. Это один из принципов условного изображения, типичный и обязательный для икон. Эти принципы использовались и при написании священо-исповедника Тимона.

Глубокая символичность иконы начинается с техники ее исполнения, строгая последовательность которой — от выбранных материалов и до последних штрихов на живописной поверхности — была до мелочей продумана и осмыслена в древности. На Руси иконы обычно писали на деревянной доске, как правило, липовой. На лицевой стороне доски часто делали углубление, называемое «ковчегом». Возвышающиеся над ковчегом края иконы называют «полями». Для предохранения левкаса от растрескивания, на лицевую сторону доски наклеивают «паволоку». Это ткань из натуральных волокон с нечастым плетением нитей. Паволока придает левкасу большую пластичность. Ну а дальше наносится приготовленный левкас. Левкас — в иконописи это название грунта, представляющего собой меловой, размешанный на животном или рыбьем клее с добавлением льняного масла. Наносится несколькими слоями на подготовленную иконную доску. После чего левкас шкурится и наносится полимент, если фон будет покрыт сусальным золотом и отрисовывается рисунок.

Краски в иконе используются особенные. Название которых — темпера, на яичном желтке. В основном это натуральные цветные минеральные камни, перетертые в порошок. Они могут быть как драгоценными или полудрагоценными (Лазурит, Диопраз, Малахит, Киноварь и Аури), так и обыкновенными минералами как охра и глауканит. Все вышперечисленные пигменты также использовались в написании священо-исповедника Тимона.

Когда в иконе раскрыты все цвета, далее идёт разделка одежды и написание личного. После выполнения этих этапов, приступают к нанесению ассиста — это золотая, линейная разделка одежд и их частей, выполненная настоящим сусальным золотом. У епископа Тимона ассист нанесён на Евангелие и кресты на амофоре. И вот уже когда икона полностью завершена, наступает один важнейших и ответственных моментов — её заливают олифой, это древний аналог лака, и ждут пока она загустеет. После чего излишки снимают и оставляют икону до полного высыхания.

Продолжать соблюдение традиций иконописи имеет первостепенное значение, но вместе с тем икона еще и художественно должна быть совершенна. Икона являет красоту горнего мира. Свяtitель Григо-

рий Нисский говорил, что Бог по природе Своей художник и Он нас создал такими. В древности художниками называли тех, кто творил красоту. И мы хотим видеть красоту вокруг себя. Тем более в храме — здесь мы на земле предстоим, как будто на Небе. Икона привносит в мир красоту, но эта красота не может быть в иконе просто формотворчеством, а призвана являть глубокое духовное содержание. Поэтому иконописец должен быть глубоко верующим христианином, чувствовать радость жизни во Христе, силу молитвы и аскезы. Икона, написанная подвижником, действует на нас исподволь, настраивая на молитву, умиротворяя, вдохновляя. Икона есть просвет высшего мира в этот.

Церковно-общественная жизнь православного населения Кустанайской области в период массовых политических репрессий второй половины 1930-х годов

Иерей Сергей Неверов
*студент Екатеринбургской Православной Духовной семинарии,
клирик хама в честь Казанской иконы Божией Матери в г. Тобыл*

Иерей Андрей Крутин
*руководитель отдела по канонизации святых Костанайской
и Рудненской епархии*

До 1918 года на территории современной Костанайской области было около 180-ти действующих православных храмов и молитвенных домов, а также – 2 монастыря: Иверский женский монастырь в г. Кустанае и мужской монастырь в п. Кара-Оба [1]. Гонения на церковь, которые начались с момента установления советской власти, привели к тому, что к середине 1930-х годов почти все православные храмы и все монастыри на кустанайской земле были закрыты, большинство священнослужителей к этому времени прошли через тюрьмы, ссылки и лагеря. Было нарушено и церковное управление — с сентября 1930 года и до марта 1934 года на Кустанайской кафедре не было епископа. В июне 1930 года, после смерти епископа Тимона (Русанова) в Кустанай был назначен епископ Александр (Раевский) [2]. В сентябре того же года его перевели в Калужскую епархию, после чего кустанайские приходы окормлялись Челябинскими епископами. Известно это стало из материалов уголовного дела 1932 года в отношении священника Василия Иорданского, который пояснял на следствии, что «... после смерти епископа Тимона нашей епархией г. Кустаная стал управлять Троицкий епископ Павел ...»[3, Л.21]³.

12 марта 1934 года Временным патриаршим Священным Синодом было принято «Положение об областных Преосвященных», в котором сообщалось об образовании самостоятельной Кустанайской епархии [4]. 15 марта того же года на вновь образованную Кустанайскую ка-

3 Прим.: епископ Павел (Павловский) был епископом на Челябинской кафедре в 1929-1931 гг.

федру повторно был назначен епископ Александр (Раевский). Административно Кустанайский район с 1932 по 1936 года входил в состав Актюбинской области. Владыка Александр, проживая в Актюбинске, стал окормлять приходы не только Кустанайского района, но и всей Актюбинской области.

В августе 1935 года произошла очередная реорганизация: самостоятельная Кустанайская епархия была упразднена, а на территории Актюбинской области было образовано Актюбинское и Кустанайское викариатство, которое включили в состав Алма-Атинской епархии [5]. 14 августа 1935 года епископ Александр (Раевский) стал епископом Актюбинским и Кустанайским, викарием Алма-Атинской епархии. В августе 1936 года Владыку Александра перевели в Петропавловск, а на его место был назначен епископ Серафим (Зборовский) [2, стр.989].

В июле 1936 года, когда была образована Кустанайская область, Кустанай получил статус областного центра. Статус областного центра позволил верующим ходатайствовать о переводе епископской кафедры в Кустанай. Перенесение епархиального управления, вероятно было согласовано как с церковными, так и со светскими властями, и верующие начали сбор средств для покупки архиерейского дома в Кустанае. Но переезд епископа Серафима (Зборовского) в Кустанай не состоялся: 4 сентября 1937 года епископ Серафим был уволен на покой, а 7 сентября того же года он был арестован в Актюбинске. По статьям 58–10 и 58–11 УК РСФСР он был приговорен к расстрелу.

Массовым политическим репрессиям 1937-38 гг., в период которых пострадал епископ Серафим (Зборовский), предшествовал период, когда отмечался некоторый спад в антирелигиозной политике советского государства. Это могло быть связано с тем, что к указанному времени по всей стране уже были закрыты практически все православные храмы, репрессировано практически все духовенство. У властей это создавало картину очень скорой победы над церковью, над Православием. Между тем, религиозность населения, несмотря на все репрессии и повсеместную антирелигиозную пропаганду, к середине 1930-х годов не ослабла, и не ослабла в той мере, на которую так рассчитывали богоборческие власти. Из архивных источников известно, что в это время в СССР заметно возросла посещаемость православных храмов, увеличилось число крещений, венчаний и т. д. В Кустанае, в середине 1930-х годов, в единственной действующей в городе православной церкви тихоновской ориентации – церкви св. бесср. Космы и Дамиана на городском кладбище, также значительно увеличилось число прихожан. Сооб-

шалось об этом даже в местной печати [6]. На воскресные и праздничные богослужения в церковь приходили не только городские жители, но и верующие из многих окрестных поселков. В такие дни небольшая кладбищенская церковь уже не могла вместить всех желающих поучаствовать в Богослужении. Исходя из этого было вполне очевидно, что православной общине требовалось новое, более просторное церковное здание и верующие стали ходатайствовать о передаче им пустующего Никольского собора. Кустанайский Свято-Никольский собор более десяти лет (с 24 февраля 1924 года и по сентябрь 1935 года) принадлежал обновленческой церковной общине. В начале 1930-х годов обновленческая община в Кустанае уже фактически распалась, число прихожан в Никольском соборе сильно сократилось, на службах присутствовало, как правило, не более десяти человек [9, Л.13]. Эта небольшая община раскольников не могла содержать соборный храм, и Никольский собор пришел в запустение. С середины 20-х годов соборное здание не отапливалось, в зимнее время в храме была повышенная влажность, отчего очень сильно пострадали настенные росписи. Была частично разрушена церковная ограда, во многих окнах собора не было стекол [9, Л.12]. В сентябре 1935 года, ссылаясь на аварийное состояние Никольского собора, городские власти прекратили договор аренды с обновленческой общиной и передали соборное здание Горкомхозу для устройства в нем зернохранилища [9, Л.13]. Использование церквей под колхозные зернохранилища в Советском Союзе в 20-30 годы было довольно распространенной практикой. Церковная роспись после хранения зерна портилась, стены храмов под давлением зерна расходились, растрескивались, чернели. Как правило, после этого следовало решение исполнительных органов о сносе церковного здания. Так произошло и с Кустанайским Свято-Никольским собором. Осенью 1935 года его использовали для хранения зерна, после чего ему потребовался уже серьезный капитальный ремонт. Постановлением Президиума Актюбинского областного исполкома от 3 декабря 1935 года здание собора было передано Кустанайскому Горсовету для использования в культурно-просветительских целях [9, Л.18]. Верующие Кустаная были готовы на свои средства отремонтировать Свято-Никольский собор. В Кустанайский Горисполком от имени прихожан кладбищенской Косьмо-Дамиановской церкви было написано несколько прошений о передаче православной общине староцерковников соборного здания, но все эти ходатайства были отклонены городскими властями. В 1937–1938 годах Свято-Никольский собор был разрушен.

В январе 1937 года прошла Всесоюзная перепись населения. Результаты переписи показали высокий процент верующих в стране. В общей сложности в ходе проведения переписи было опрошено 98,3 млн человек. Более половины из них назвали себя верующими (55,2 миллиона человек, или 56 % от числа опрошенных). По этой, а также и по другим причинам результаты переписи были засекречены. Можно предполагать, что по Кустанайской области процент верующих также был достаточно высоким. Так, в материалах уголовного дела в отношении клира и прихожан Кладбищенской церкви г. Кустаная имеются сведения, что в пригородном поселке Затобольске, население которого составляло несколько тысяч человек, жители почти всех, за исключением нескольких, домовладений утвердительно ответили на вопрос о своей принадлежности к религии, идентифицировав себя как верующих православного вероисповедования [10].

Результаты Всесоюзной переписи показали недостаточную эффективность антирелигиозных мероприятий советского государства. Агрессивная атеистическая пропаганда, закрытие храмов, репрессии в отношении духовенства не привели к тому резкому снижению религиозности в СССР, на которое так рассчитывали богоборческие власти. Государство могло административными мерами закрыть все храмы, могло выслать, заключить в лагерь и обложить непомерными налогами все духовенство, но уничтожить, искоренить веру в людях оно было не способно. Поэтому в 1937 году власти перешли к массовым репрессиям в отношении всех чад Русской Православной Церкви.

В Кустанае массовые репрессии начались с арестов священнослужителей и прихожан делу «церковников Кладбищенской церкви» [10]. В августе-сентябре 1937 года были арестованы 18 человек из числа духовенства, монашествующих и прихожан Кладбищенской Косьмо-Дамиановской церкви. 27-28 августа были арестованы священники о. Петр Касенков и о. Василий Иорданский, священник о. Иоанн Ермилов, схимонахиня Сергия (Мария Якунина), монахиня Зинаида Балдук, монахиня Фелицата Климова, монахиня Екатерина Косенкова, Костенко Семен Самойлович, монахиня Евпраксия (Евдокия Липунцова), монахиня Зинаида Старожилова, монахиня Матрена Михайлова, Монахиня София Пятак, монахиня Евпраксия Ромашкина, монахиня Варвара Хрипунова, церковный староста Степан Гаврилович Вязьминов, Рубин Даниил Григорьевич, Герасимова Фекла Лаврентьевна, Александра Дмитриевна Супонина. 14-15 октября поэтому же уголовному делу были арестованы игуменья Прасковья Водясова, монахиня Ольга

Зотова, Забелина Домна Матвеевна. Таким образом по данному уголовному делу было арестовано 21 человек. Следствие длилось около двух месяцев. В уголовном деле почти нет показаний свидетелей, обвиняемые были допрошены по одному, по два раза. Несмотря на это, следствие было закончено и 18 октября решением тройки НКВД четырнадцать человек по ст. 58 УК РСФСР (антирелигиозная агитация и пропаганда) были приговорены к ВМН — расстрелу. Семь человек приговорили к 10 годам ИТЛ. Священника Иоанна Ермилова расстреляли еще до вынесения ему обвинительного приговора. Из-за ошибки конвоира его перепутали с другим заключенным, которого ранее приговорили к расстрелу, и вместо него отвезли на расстрел. Произошло это 4 октября 1937 года. Через 2 недели после расстрела, 18 октября 1937 года, тройка НКВД вынесла отцу Иоанну Ермилову смертный приговор.

В ноябре аресты среди духовенства и прихожан Кладбищенской церкви были продолжены. Уже по новому уголовному делу были арестованы 18 человек, в т. ч. настоятель Кладбищенской церкви иеромонах Рафаил (Балабуркин), священник Павел Бондарев, священник Василий Костылев, монахиня Алефтина Акимова, монахиня Васса Акимова, монахиня Варвара Гадецкая, монахиня Засима Гордеева, монахиня Феодосия Давыдова, монахиня Анна Данилова, монахиня Анна Дробышева, монахиня Анна Каурова, схимонахиня Крескентия Крюкова, монахиня Филарета Макагонова, монахиня Евдокия Мушкарина, монахиня Васса Пономарева, монахиня Серафима Харина, монахиня Марианила Щеглова, Захарова Евдокия Михайловна [11]. Все они 20 ноября 1937 года тройкой НКВД по Кустанайской области по ст. 58 УК РСФСР были приговорены к смертной казни. Расстреляны 23 ноября и похоронены в безвестной братской могиле. Всего по 2-м уголовным делам в отношении духовенства и прихожан Косьмо-Дамиановской церкви на городском кладбище в августе-ноябре 1937 года было арестовано 39 человек, 32 из которых были расстреляны, 7 приговорены к заключению в ИТЛ на 10 лет.

Большая часть из числа арестованных по делу Кладбищенской церкви были монахинями и послушницами закрытого в двадцатые годы в Кустанае Иверского женского монастыря. До революции в Иверском монастыре подвизалось несколько десятков монахинь и около 140 послушниц [12]. После закрытия монастыря многие из них остались жить в городе, проживали келейно, по частным квартирам и домам. Проживая в миру они продолжали соблюдать монашеский устав, неукоснительно исполняли монашеское молитвенное правило. Известно также и о монашеских постригах, которые совершались уже после закрытия обители.

О постриге в монашество известно из публикации в газете «Степной крестьянин», в которой сообщается о том, что в монастырской Иверской церкви г. Кустаная осенью 1929 года епископом Тимоном (Русановым) было пострижено в монашество четыре послушницы [13]. Из материалов уголовного дела 1933 года в отношении обновленческого епископа Иоанна Житова известно о посвящении в схиму монахинь Иверского монастыря. Цитата из уголовного дела: «... В Кустанае имеется бывшего монастыря игуменья Рафаила. Она недавно приняла схимничество ... Схимничество принимала тайно, ее посвящал схимник Аристокл около года назад. Есть еще посвященная в схимонахини монахиня Сусанна, теперь Мария. Эта посвящалась гласно, и посвящал ее архиерей Тимон, ныне умерший ...» [14]. Сведения о постриге также можно найти и в уголовном деле 1937 года в отношении духовенства и прихожан кладбищенской Косью-Дамиановской церкви, в котором сообщается, что Якунина Васса Игнатьевна, 1967 г.р., в мантии Сусанна, около 1930 года пострижена в схиму епископом Тимоном (Русановым) с наречением имени Мария [10].

Для карательных органов монашествующие, наряду с православным духовенством, были первыми в списках на репрессии. Известно, что во время следствия к ним применялись особые истязания и пытки – свидетельства об этом можно найти в уголовных делах, которые были заведены на сотрудников Кустанайского НКВД в 1939-41 гг., по которым сотрудников НКВД обвиняли в пытках и репрессиях заключенных. Многие монахини из числа арестованных были уже в достаточно преклонном возрасте, что, впрочем, никак не сказывалось на постановлениях троек НКВД, приговоривших их к смертной казни. Так, к моменту расстрела монахине Алевтине (Анне Петровне Акимовой) было 68 лет, схимонахине Краскентии (Капитолине Терентьевне Крюковой) – 73 года, монахине Евпраксии Ивановне Ромашкиной – 72 года, монахине Домне Селиверстовне Щегловой – 69 лет и т. д.

Репрессии в отношении духовенства и прихожан Кладбищенской церкви стали самыми массовыми репрессиями в отношении верующих, но были далеко не единственным. Аресты верующих проходили по всей Кустанайской области и, как правило, были групповыми. Групповые дела позволяли чекистам быстрее выполнять план по арестам, которые были утверждены оперативным приказом НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июня 1937 года, и в котором перечислялись категории граждан, подлежащих репрессиям, а также отдельно для каждой области и республики СССР указывалось, сколько

человек должно быть арестовано, количество приговоренных из них к расстрелу или к заключению в ИТЛ. Для Кустанайской области план по арестам по всем категориям (кулаки, бывшие заключенные, церковники и другие) составлял 600 человек, 150 из которых должны были быть приговорены к расстрелу, 450 человек к заключению в ИТЛ на 10 лет [15]. В октябре-ноябре месяце 1937 года все планы по расстрелам и арестам, обозначенные в приказе 00447, были выполнены, в т.ч. и в Кустанайской области. Но репрессии не прекращались, планы по арестам и расстрелам в последующем увеличивались неоднократно. Для выполнения планов со стороны следствия часто практиковались такие незаконные и противоправные методы дознания, как истязания и пытки заключенных, фабрикация уголовных дел и многое другое. Чтобы выполнить расстрельный план кустанайскими чекистами использовался и такой незаконный метод, когда ранее вынесенные приговоры, связанные с лишением свободы, через некоторое время заменялись на смертный приговор. Для этого приговоренных к различным срокам заключения после вынесения приговора не отправляли к местам отбытия наказания, а оставляли в следственной тюрьме. После поступления нового плана по расстрелам ранее внесенные приговоры пересматривались в сторону ужесточения, т. е. приговоры, предусматривающие заключение в ИТЛ, заменялись расстрельными приговорами. Делалось это все без проведения каких-либо дополнительных следственных мероприятий, установления новых фактов и т. п. Именно таким образом был пересмотрен приговор в отношении двух монахинь из п. Степановка Мендыгаринского района Кустанайской области Елизаветы Адаевой и Степаниды Юртаевой [16]. Арестованы они были по групповому делу 21 декабря 1937 года. На следствии их обвинили в организации богослужений у себя на дому, в контрреволюционной агитации, а также в том, что на молитвенных собраниях они говорили односельчанам о скором открытии в Советском Союзе всех ранее закрытых храмов и монастырей. По этому уголовному делу в декабре 1937 года были допрошены 5 свидетелей, жителей поселка Михайловский. Согласно показаниям свидетелей, Елизавета Адаева и Степанида Юртаева виновны в проведении молебствований у себя на дому, в проведении агитации против советской власти, выражавшихся в разговорах, что советской власти скоро не будет, а будут царь и монастыри и т. п. [16, Л.5-14]. На допросе 22 декабря 1937 г. все обвинения в свой адрес в антисоветской агитации Елизавета Ивановна назвала ложными: *«... В том, что у меня собирались женщины колхозницы и что я проводила религиозные Богослужения не отрицаю, но агитации против колхозов не вела...»* [16, Л.5-14]. Не свидетельствовала инокиня Елизавета

и против других лиц. Так же отрицала на допросах свою вину и инокиня Степанида. Она признала свою вину только в том, что проводила у себя на дому Богослужения [16, Л.24]. Показаний против других лиц она так же не давала. Из показаний Степаниды Юртаевой на допросе 21 декабря 1937 года: «... *Против Советской власти я агитации не вела и виновной себя не признаю. ... В распространении провокационных слухов о войне виновной себя не признаю, в отношении того, чтобы у меня иногда собирались женщины колхозницы, с которыми я проводила Богослужения, то в этом я себя признаю виновной.*» [16, Л.24]. Приговором тройки НКВД от 28 декабря 1937 года Елизавета Адаева и Степанида Юртаева были приговорены к 10 годам ИТЛ. После вынесения приговора они полтора месяца находились в Кустанайской следственной тюрьме в ожидании своей отправки к месту отбытия наказания. В феврале 1938 года приговор в отношении этих двух монахинь без каких-либо оснований и новых материалов был пересмотрен, и 13 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила их к расстрелу. 16 февраля 1938 года приговор привели в исполнение.

Обвинение в организации нелегальных богослужений на квартирах и в частных домах было стандартным и часто использовалось следственными органами для организации репрессивных действий в отношении верующих в годы массовых репрессий. Массовое закрытие церквей и молитвенных домов в 1930-х годах привело к тому, что верующие стали собираться для молитвенных собраний по частным квартирам и домам, где читались богослужебные часы, утреннее и вечернее правило, пелись акафисты. По закону, местные власти не могли запретить подобные собрания верующих, так как во время таких собраний не совершались Богослужения (литургии), не проводились церковные обряды (крещения и т. д.). Но поводы для обвинения в нарушении законодательства со стороны местных властей находились. Так, во время больших церковных праздников (Пасха, Пятидесятница и т. д.) многие верующие старались не выходить на работу. В сельской местности это рассматривалось как саботаж, вредительство, выступление против колхозного строя, а призывы не выходить на работу в дни православных праздников трактовалось властями как контрреволюционная агитация и пропаганда, за что по 58-й статье УК РСФСР предусматривалось наказание от 10 лет лишения свободы до расстрела. Подобным образом к расстрелу за организацию молитвенных собраний и контрреволюционную агитацию только в ноябре 1937 года были приговорены к расстрелу: житель п. Варваринка Тарановского района Мельников Никифор Лазаревич [17], свя-

щенник Иоанн Горонович [18], служивший в пос. Успеновский Федоровского района Кустанайской области и другие. В обвинительном заключении про колхозника Н.И. Мельникова сказано: «монах, бывший кулак», который «будучи враждебно настроенным против советской власти, систематически проводил антисоветскую вредительскую подрывную работу, направленную на подрыв колхоза, призывал колхозников не выходить на работу в воскресные и праздничные дни (в дни религиозных праздников), с контрреволюционной целью устраивал у себя сборища под видом моления». По показаниям свидетелей, он «исполнял обязанности священника, служил за попа». Никифор Лазаревич виновным себя не признал, показаний против других лиц не давал [18]. Упомянутый выше священник Иоанн Горонович также был обвинен в том, что он «Тайно занимался отправлением религиозных обрядов, группировал вокруг себя женщин колхозниц, среди которых вёл антисоветскую религиозную пропаганду, проповедовал в пользу открытия церкви». Обвинение в антисоветской агитации отец Иоанн не признал и показаний против других лиц не давал. Его расстреляли на следующий день после приговора, 28 ноября 1937 года [18].

Аресты православных верующих по «церковным» делам в Кустанайской области в 1937–1938 гг. проводились повсеместно и регулярно. Это были и одиночные аресты, и групповые дела, когда по одному уголовному делу число арестованных могло исчисляться несколькими десятками человек. Объектами репрессий становились, как правило, наиболее активные, следовательно, наиболее опасные с точки зрения богоборческой власти члены церкви. Православное духовенство и монашествующие были отнесены к классовым врагам, против них велась классовая борьба и значит, было уже не важно, совершил арестованный какое-либо преступное деяние или нет. Поставив задачу уничтожения церкви, карательные органы использовали для этого любые средства и методы. Такими незаконными средствами в арсенале следователей НКВД были пытки и истязания заключенных, подделка протоколов допросов, свидетельских показаний и т. д. Необходимо отметить, что методы принуждения и пытки применялись не только в отношении православных христиан, или как их обозначали в своих документах – «церковников», но и по всем категориям граждан, которые были подвергнуты аресту в Кустанайской области в 1937–38 годах по обвинению в контрреволюционной деятельности и агитации.

Начиная с 1937 года в Кустанайском УНКВД и в районных отделениях НКВД Кустанайской области для получения нужных показаний использовался т. н. «конвейер», когда заключенному не давали уснуть,

пока он не выдаст нужные показания [19]. При этом следователи менялись посменно и издевались над заключенными. Пытки и истязания были настолько жестокие, что зачастую после недельных непрерывных допросов заключенные не выдерживали мучений, выбрасывались в окна и сходили с ума. Были случаи, когда подследственный всё-таки не давал нужных показаний, тогда его помещали в сырое холодное помещение. В это время дело фабриковалось, подписи обвиняемых и свидетелей подделывались. После такое дело передавалось тройке НКВД, где могло вынестись любое решение. В зависимости от плана, человека расстреливали или отправляли в концлагерь. Расстрелы приговоренных к смертной казни происходили обычно в ночное время. Случалось, что неопытные стрелки промахивались и заключенный умирал не сразу. Вполне вероятно, что закапывали и живых людей. По воспоминаниям Марии Георгиевны Трофимовой, дочери расстрелянного в 1938 году священника Георгия Савина, в городе в 1937-38 гг. ходили слухи, что закапывали в землю еще живых людей: «... Их (приговоренных к расстрелу) вывезли в лес, заставили рыть длинную яму, поставили на краю и расстреляли. Некоторые были ранены, их засыпали живыми. Земля на этой могиле шевелилась, из-под земли слышались стоны ...» [20].

В октябре-ноябре месяце 1938 года группой заключенных Кустанайской тюрьмы было написано письмо в Москву с жалобой на пытки и издевательства. Из Москвы в Кустанай была направлена комиссия, выявившая многочисленные нарушения в отношении заключенных. В 1941 году начальник Кустанайского НКВД и начальник Карабалыкского УНКВД были приговорены к расстрелу, трое сотрудников НКВД приговорены к различным срокам заключения [19].

Результатом массовых репрессий стало закрытие к 1938 году всех православных храмов в Кустанайской области. На несколько лет церковно-приходская, литургическая жизнь в Кустанае и Кустанайской области прекратилась. Верующие продолжали собираться для совместных молитв, но делали они это уже тайно. Для исповеди и причастия, для крещения детей и т. д. они выезжали в другие города Советского Союза, где еще не были закрыты православные храмы. Несколько храмов в это время действовало в соседних с Кустанайской областью Свердловской и Тюменской областях. По Казахстану в этот период не закрытыми осталось только 2 храма — Всехсвятская (кладбищенская) церковь в г. Петропавловске и Спасо-Преображенская церковь в г. Уральске. Сведения об этом можно найти в докладной записке о деятельности РПЦ в Каз. ССР, в которой указано, что до 1944 года в Казах-

стане функционировало (с перерывами) две церкви — одна в Петропавловске, другая в Уральске [21]. В 1940 году церковь в г. Уральске была временно закрыта и вновь была открыта только в 1943 году. Кладбищенская церковь в честь Всех Святых в Петропавловске не закрывалась никогда и продолжала работать даже в годы войны [22].

Из следственных материалов известно, что православные христиане, осужденные в 1937–1938 гг. в Кустанайской области по делам «церковников» к различным срокам заключения, в последующие годы неоднократно писали ходатайства о пересмотре их уголовных дел, писали о своей невиновности. Но все их прошения тогда были отклонены. Только спустя почти два десятилетия началась реабилитация репрессированных в годы Большого террора. Так, в 1956–1961 годах были полностью реабилитированы приговоренные к заключению в ИТЛ в 1937 году монахини Софья Пятак, Варвара Хрипунова, Евдокия Липунцова и другие. Реабилитация всех пострадавших в годы репрессий была произведена позже, на рубеже 1980–1990-х годов, когда на государственном уровне было принято решение о реабилитации всех невинных жертв политических репрессий, которые происходили в Советском Союзе в XX веке.

Массовые репрессии 1930-х годов оказали значительное влияние на жизнь православного населения Кустанайской области. Верующие подвергались репрессиям, прежде всего, за исповедание веры, верность Господу Иисусу Христу и Его Церкви. Предстоит провести еще много исследовательской работы, чтобы в полной мере оценить весь масштаб репрессий, установить имена всех пострадавших. Это позволит не только восстановить историческую картину тех трагических событий, но и будет способствовать прославлению всех пострадавших за веру во Христа в годы массовых политических репрессий как мучеников и исповедников веры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Храмы и монастыри Костанайской области 19-20 вв.: Информационный справочник — Костанай: МРО «Костанайская и Рудненская епархия Православной Церкви Казахстана», 2021.- 360 стр. ISBN 978-601-7615-26-0
2. Губонин М., сост. Акты святейшего патриарх Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917-1943 гг. М.:

- Изд-во Правосл. Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. 1064 с.
3. Областной Государственный архив Челябинской области (ОГАЧО) Р.467 Оп.4 Д.354
 4. Журнал Московской Патриархии. М., 1934. №20-21 (ЖМП).
 5. История Иерархии Русской православной церкви: Комментированные списки иерархов по епископам и кафедрам с 862 г. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. С. 12.
 6. Газета «Сталинский путь», от 08 июля 1937 года, №155. г. Кустанай. Статья «Воинствующие бездельники».
 7. Официальный сайт акимата Костанайской области. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/kostanay?lang=ru>
 8. Сайт «Открытая Православная энциклопедия Древо». // URL: <https://drevo-info.ru/articles/24865.html?ysclid=lav8au415n762453989>
 9. Государственный архив Костанайской области (ГАКО) Ф.207 Оп.1 Д.28
 10. Специальный Государственный архив информационно-аналитического центра Костанайской области (далее: СГА ИАЦ ДП Кост. обл.) – арх.-сл. дело №02271, уг.-сл. дело № 08469.
 11. СГА ИАЦ ДП Кост. обл., арх.-сл. дело No 02489, уг.-сл. дело No 0236
 12. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО) Ф.173 Оп.4 Д.6447
 13. ГАКО, газета «Степной крестьянин», 1929 год.
 14. СГА ИАЦ ДП КО. Арх.-сл. дело № 02426, уг.-сл. дело № 19584
 15. Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». 30 июля 1937 г. // Сайт «Исторические материалы». URL: <https://istmat.org/node/32818>
 16. СГА ИАЦ ДП Кост. обл., арх.-сл. дело №02275, уг.-сл. дело №552
 17. СГА ИАЦ ДП Кост. обл. арх.-сл. дело №2552, уг.-сл. дело №267 Тарановского РО НКВД.
 18. СГА ИАЦ ДП Кост. обл., арх.-сл. дело №2677, уг.-сл. дело №249 Фёдоровского РО НКВД.
 19. Областная газета «Ленинский путь», 1991 год. Статья «Зловещий 37-й». Автор статьи заместитель начальника УКГБ по Кустанайской области в 50-70 годы Серик Шакибаев // URL: http://kostanay1879.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=4273&Itemid=46

20. Архивно-следственное дело // специальный Государственный Архив Информационно Аналитического Центра департамента полиции (СГА ИАЦ ДП КО). Д. 02579
21. ЦГА РК Фонд 1709 Описание 1 Дело 3, Л.148 // Информационные отчеты о состоянии и деятельности Русской Православной Церкви в Каз. ССР (1944-1946), 153 листа
22. <http://www.hvs.kz/chudes-a-i-svyatyni-vsehsvyatskogo-hrama/> / Официальный сайт храма Всех Святых в г. Петропавловске.

О деятельности митрополита Николая (Могилевского) на Алма-Атинской кафедре в 40-50 годы 20-го века.

Иеродиакон Мефодий (Чулков),
*студент Алматинской Православной Духовной семинарии,
клирик Константино-Еленинского собора г. Костаная.*

Иерей Сергей Неверов,
*студент Екатеринбургской Православной Духовной семинарии,
клирик Храма Казанской иконы Божией Матери в г. Тобыл*



Большая роль в возрождении Православия на Казахстанской земле в 40-50 гг. XX-го века принадлежит митрополиту Алма-Атинскому и Казахстанскому Николаю (Могилевскому). До назначения в 1945 году на Алма-Атинскую кафедру владыка Николай много претерпел от безбожной власти. В 1925 году он был арестован органами ОГПУ и осужден на 2 года за противодействие обновленческому расколу. В

1932 году он был повторно арестован и по 52-й статье УК РСФСР был приговорен к 5 годам ИТЛ. Заключение отбывал в лагерях в Мордовии, Чувашии, в Сарове. В 1937 году был освобождён и находясь на покое, жил в Егорьевске Московской области, затем в Киржаче Ивановской области. 10 марта 1941 года он был возведен в сан архимандрита. 27 июня 1941 года он был арестован и осужден на 5 лет ссылки. Ссылку отбывал в Казахстане.

В 1943 году патриарх Московский и всея Руси Сергей (Старогородский) предоставил руководителю советского государства Иосифу Сталину список из 26 священнослужителей, в т.ч. и архиепископа Николая (Могилевского), которых он просил амнистировать, но все упомянутые в этом списке к этому времени были расстреляны или погибли в тюремном заключении. Все, кроме архиепископа Николая (Могилевского). Освободили владыку Николая из ссылки только в мае 1945 года. 05 июня 1945 года указом Священного Синода он был назначен на вновь учрежденную Алма-Атинскую кафедру. На Алма-Атинской кафедре владыка Николай добился открытия многих храмов и молитвенных домов, очень часто посещал приходы. Поддержка приходов часто выражалась в безвозмездном предоставлении епархиальных средств на покупку новых церковных зданий. Без такой поддержки многие приходы на Казахстанской земле были бы закрыты, а многие общины были бы ликвидированы, прекратили свое существование. Так, в 1952 году в п. Боровской Кустанайской области на епархиальные средства с благословения владыки Николая был куплен частный дом для устройства в нем молитвенного дома⁴. История покупки данного дома такова. За несколько лет до этого, в 1948 году, церковным советом приходской общины в селе Боровском Кустанайской области под молитвенный дом было куплено саманное помещение размером 28 кв. м., за сумму 3700 рублей. В октябре 1952 года после соответствующего осмотра оказалось, что для дальнейшей эксплуатации данное помещение не пригодно. И тогда возник вопрос о покупке другого дома, для чего настоятелем молитвенного дома был организован сбор денежных средств. Верующим удалось собрать только около пяти тысяч рублей. Стоимость подысканного для покупки деревянного 2-х комнатного дома площадью 40 кв. м. была установлена в 19000 рублей и собранных средств (5000 рублей) для покупки дома было явно недостаточно. В связи с этим церковный совет молитвенного

4 ЦГА РК Ф. 1709 (р/с) Оп.1с Д.23 Л. 24-25

дома в п. Боровском в октябре 1952 года обратился за оказанием денежной помощи в епархиальное управление лично к владыке Николаю. Рассмотрев это заявление, архиепископ Николай выделил общине в заимобразно 15000 рублей. Не окажи владыка этой помощи, своими силами верующие не смогли бы произвести этой покупки и через год, много через два, и эта община пришла бы к самоликвидации. Известно также о помощи епархиальных властей с покупкой помещений для устройства молитвенных домов в Уш-Тобе, в п. Федоровка Кустанайской области и многих других.



Фото. *Архиепископ Николай (Могилевский).*

Насекина. Отец Елисей Насекин в конце августа 1952 года прибыл из Ташкентской епархии и попросил место в любом приходе. и Архиерей решил направить его в указанный молитвенный дом. Через год уполномоченный по делам РПЦ в своем секретном докладе сообщает в Москву, что положение приходской общины п. Семиозерный значительно улучшилось, посещение верующими молитвенного дома значительно увеличилось. Далее уполномоченный сообщает, что в текущем году был отремонтирован молитвенный дом, построен причтовый дом и церковная сторожка. Ссылается уполномоченный РПЦ при этом и на председателя

Для укрепления слабых приходов архиепископом Николаем практиковалась посылка в такие приходы хорошо зарекомендовавших себя священников. О важности укрепления слабых приходов можно рассмотреть на примере церковно-приходской общины в п. Семиозерном Кустанайской области в 40-50 гг⁵. Из секретного доклада уполномоченного РПЦ за 1953 г. известно, что в этом молитвенном доме за пять лет сменилось несколько священнослужителей и постепенно церковная жизнь в данном приходе приходила в упадок. Чтобы укрепить данный приход 1952 года, владыка Николай назначает сюда нового настоятеля, священника Елисея

ревизионной комиссии гр-на Кирдяшкина, который на приеме у уполномоченного по делам РПЦ сообщил ему, что с прибытием священника Насекина положение резко изменилось в лучшую сторону. Посещаемость верующих постепенно увеличивается и составляет 30-40 человек, одновременно с этим увеличиваются и денежные доходы. В текущем году ему удалось построить причтовый дом и сторожку стоимостью около 8000 рублей, отремонтировать помещение молитвенного дома и т. д. ⁶.

Деятельность архиепископа Николая (Могилевского) на Алма-Атинской кафедре во многом была направлена на укрепление авторитета духовенства в обществе. В отчетно-информационном докладе о положении и деятельности РПЦ в Каз. ССР по состоянию на 1 января 1954 года уполномоченный по делам РПЦ в Каз. ССР Вахменин сообщает о грамотной кадровой политике архиепископа Николая⁷. Выдержка из доклада уполномоченного: «... Деятельность архиепископа в основном направлена на закрепление существующего положения церкви и поэтому им проводится ряд мероприятий по предупреждению ослабления влияния церкви на население...». Далее уполномоченный сообщает, что «... проводится эта деятельность в направлении укрепления авторитета духовенства и материального положения церкви...».

Несмотря на свой преклонный возраст, Владыка совершал многочисленные поездки по приходам Епархии, освящал построенные и восстановленные храмы и молитвенные дома, рукополагал священников, почти ежедневно принимал участие в церковных службах. Сам, претерпев много страданий и нужд в жизни, он всегда сочувствовал страждущим и нуждающимся, по - отечески заботился о них, помогал словом и делом, наставлял и вразумлял. По воспоминаниям современников, делал все это Владыка с великой кротостью и любовью.

В 1955 году, незадолго своей кончины архиепископ Николай был возведен в сан митрополита. Скончался митрополит Николай 25 октября 1955 года. Во время похорон всю дорогу от храма до кладбища (около 7 км) гроб с его телом верующие несли на руках. За гробом, по подсчётам

6 ЦГА РК Ф. 1709 (р/с) Оп. 1 (с) Д. 24 Л.48-49

7 ЦГА РК Ф. 1709 (р/с) Оп. 1 (с) Д. 25 // Отчетно-информационный доклад о положении и деятельности РПЦ в Каз. ССР по состоянию на 1 января 1954 года.

милиции, следовало до 40 000 человек. Похоронен на Центральном кладбище Алматы.



Фото. *Похороны митрополита Николая (Могилевского). Октябрь, 1955 год.*

На Архиерейском соборе в августе 2000 года митрополит Николай (Могилевский) был причислен к лику новомучеников и исповедников Российских как исповедник веры. 8 сентября 2000 года по благословению архиепископа Астанайского и Алматинского Алексия (Кутепова) честные мощи святителя-исповедника Николая были обретены на городском кладбище и перенесены в Никольский собор города Алма-Аты.

ЗА ВЕРУ ВО ХРИСТА ПОСТРАДАВШИЕ НА ЗЕМЛЕ КОСТАНАЙСКОЙ

Иерей Андрей Крутин
*руководитель отдела по канонизации святых Костанайской
и Рудненской епархии*

Иеродиакон Мефодий (Чулков)
*студент Алматинской Православной Духовной семинарии
клирик Константино-Еленинского собора г. Костаная.*

В XX-м веке на Костанайской земле пострадало немало православных христиан. Среди пострадавших были и священнослужители, и монашествующие, и миряне. Все они подвергались репрессиям, прежде всего за исповедание Православной веры, за верность Господу нашему Иисусу Христу и Его Церкви. Многие из них прошли свой крестный путь до конца, приняв мученическую смерть ЗА ХРИСТА.

Монахини Елизавета Адаева и Степанида Юртаева.

Елизавета Адаева и Степанида Юртаева были родом из села Михайловка Николаевского уезда Тургайской области⁸. Родились они в крестьянских семьях первых переселенцев, прибывших на Кустанайскую землю в 80-е годы 19-го века. Установлены точные даты рождения Елизаветы и Степаниды: Елизавета Ивановна Адаева родилась 05 сентября 1886 года, Степанида Юртаева 11 мая 1889 года. Известно, что Елизавета и Степанида были родственницами — сестра Елизаветы Адаевой вышла замуж за родного брата Степаниды Юртаевой. В 1904-1905 гг., когда Елизавете исполнилось 18 лет, а Степаниде около 16-ти лет, они поступают в женскую Боброво-Алексеевскую обитель в Пермской губернии (фото 1).

8 Современный адрес: п. Михайловка Мендыгаринского р-на Костанайской области.



Фото 1. *Боброво-Алексеевский монастырь.*



Фото 2. *Насельницы Боброво-Алексеевской женской общины в 1911 году.*

Боброво-Алексеевский монастырь получил свое основание в 1894 году с небольшой женской общины во главе с игуменьей Февронией. В 1911 году Боброво-Алексеевская община получила официальный статус. К этому времени число насельниц обители превысило 100 человек.

Большим событием в жизни монастыря было освящение новостроенной монастырской церкви, которое состоялось в 1911 году. Сохранилось общее фото монахинь и послушниц Боброво-Алексеевской обители сделанное во время этого события (фото 2). Степанида Юртаева, спустя 5 лет после поступления в Боброво-Алексеевскую обитель, покидает ее и возвращается на родину, в п. Михайловку. Причина возвращения Степаниды Юртаевой в Михайловку не известна, возможно на родине потребовалась ее помощь по уходу за престарелыми родителями или больными родственниками. Возможно причиной возвращения Степаниды Юртаевой на родину мог быть большой пожар, который случился в обители и уничтоживший многие монастырские постройки. Тогда, после пожара многие насельницы покинули обитель. Прожив три года в Михайловке после возвращения из Боборо-Алексеевской обители, Степанида вновь покидает свое родное село и поступает в Ускаргольскую женскую общину, где и подвизалась до ее закрытия в 1919 году. После закрытия общины Степанида Юртаева вернулась в Михайловку. В 1923 году имя Степаниды Юртаевой можно найти в списках лишенных избирательных прав по выборам в Михайловский с/с. Лишили ее избирательных прав за то, что она была монахиней.

Елизавета Адаева подвизалась в Боброво-Алексеевском монастыре более двадцати лет, вплоть до самого его закрытия. Монастырь действовал до середины 20-х годов. В 1926 году Боброво-Алексеевский монастырь окончательно закрыли, и все монахини богоборческими властями были выселены из обители. После закрытия монастыря Елизавета Адаева вернулась на родину, в Михайловку.

Жизнь в миру сестер во Христе немногим отличалась от жизни в монастыре. Проживая в Михайловке, они вели тихую уединенную жизнь, наполненную трудом и молитвой. Богоборческие власти по всей стране в эти годы активно боролись с Православием. В это время по всей стране повсеместно закрывались храмы, устраивались гонения на православное духовенство и монашествующих. Была закрыта в эти годы и Михаило-Архангельская церковь в п. Михайловка. После закрытия церкви, верующие стали собираться для молитвенных собраний на дому у монахинь Елизаветы Адаевой и Степаниды Юртаевой. Во время таких

молитвенных собраний читались часы, пелись акафисты, читалось Священное писание и т. д. Но нашлись в поселке и недоброжелатели, которые в молитвенных собраниях верующих увидели скрытую религиозную и антисоветскую пропаганду. Возможно на монахинь были написаны доносы, которые в последующем и послужили причиной их ареста. Арестовали Елизавету Адаеву и Степаниду Юртаеву 19 декабря 1937 года. Вскоре после их ареста в Михайловку приехали чекисты из Кустаная и сожгли во дворе все вещи и иконы, которые принадлежали арестованным монахиням. Об этом впоследствии вспоминал Сергей Иванович Адаев, родной брат монахини Елизаветы Адаевой.

Следствие в отношении монахинь Елизаветы Адаевой и Степаниды Юртаевой продолжалось 10 дней. 18-19 декабря 1937 года были допрошены пять свидетелей, жителей поселка Михайловский. Согласно показаниям свидетелей, монахини Е. И. Адаева и С. И. Юртаева были виновны в проведении молебствований у себя на дому, в проведении агитации против советской власти, выразившихся в разговорах, что советской власти скоро не будет, а будут царь и монастыри и т. п.

На допросе 22 декабря 1937 г. все обвинения в свой адрес в антисоветской агитации Елизавета Ивановна назвала ложными: «... *В том, что у меня собирались женщины колхозницы и что я проводила религиозные Богослужения не отрицаю, но агитации против колхозов не вела...*».

Не свидетельствовала монахиня Елизавета и против других лиц. Так же отрицала на допросах свою вину и монахиня Степанида. Она признала свою вину только в том, что проводила у себя на дому Богослужения. Показаний против других лиц она так же не давала. Из показаний на допросе 21 декабря 1937 года Степаниды Юртаевой: «... *Против Советской власти я агитации не вела и виновной себя не признаю. ... В распространении провокационных слухов о войне виновной себя не признаю, в отношении того, чтобы у меня иногда собирались женщины колхозницы, с которыми я проводила Богослужения, то в этом я себя признаю виновной...*».

Приговором тройки НКВД от 28 декабря 1937 года их приговорили к 10 годам ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей). После вынесения приговора они в течении полутора месяцев находились в Кустанайской следственной тюрьме в ожидании отправки к месту отбывания наказания. Но к месту отбытия наказания их так и не отправили. В феврале 1938 года приговор в отношении Адаевой Е.И. и Юртаевой С.И. без

каких-либо дополнительных следственных мероприятий, без установления новых фактов и т. д. был пересмотрен и 13 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила их к высшей мере наказания — расстрелу. Расстреляли Елизавету Адаеву и Степаниду Юртаеву 16 февраля 1938 года в 24 часа в окрестностях Кустаная.

Родные и близкие долгое время ничего не знали об их судьбе. Официально никто не сообщил им ни о причинах ареста, ни о вынесенном им приговоре. Впоследствии до родственников дошли слухи, что Елизавету Адаеву и Степаниду Юртаеву расстреляли.

Спустя более чем полвека, в конце 80-х годов, монахини Елизавета Адаева и Степанида Юртаева были полностью реабилитированы Кустанайской областной прокуратурой по уголовному делу 1937-38 гг. В постановлении о реабилитации от 28 декабря 1989 года, подписанном и. о. прокурора Кустанайской области Луценко Г.П., было указано следующее: *Решение тройки незаконно, вина материалами дела не доказана, в связи с чем Адаева Е.И. и С. И. Юртаева подпадают под действие ст.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40 начала 50-х годов».*

Священник Георгий Савин. (1873-1937 гг.)

В 1937 году постановлением тройки УНКВД по Кустанайской области был приговорен к расстрелу священник из п. Чернышовка Мендыгаринского района Кустанайской области о. Георгий Мартынович Савин. Священнослужителем он стал второй половине 20-х годов XX-го века. Это были годы, когда со стороны богоборческого государства осуществлялись гонения на Православную церковь. Пострадал за свою веру и о. Георгий Савин — в 1937 году он принял мученическую смерть ЗА ВЕРУ ВО ХРИСТА.

Священник Георгий Савин родился 04 сентября 1873 года в селе Матвеевка Богорулавского уезда Самарской области в простой крестьянской семье. Сохранилось очень мало сведений о жизни о. Георгия и его семьи до революционных событий 1917 года. Известно, что он был женат и занимался земледелием. Его супругу звали Прасковья Лаврен-

тьевна. В 1921 году Георгий вместе с семьей переселяется в п. Чернышовка Мендыгаринского района. К этому времени в семье Георгия Мартыновича Савина было уже 5 детей (по данным на 1924 год): сын Герасим – 17 лет, сын Александр – 15 лет, дочь Анастасия – 12 лет, дочь Мария – 10 лет. Проживая в Чернышовке Георгий Савин занимался земледелием и одновременно он был старостой местной церкви. Как церковного старосту в 1923 году его лишают избирательных прав в по выборам в Чернышевский с/совет.

Около 1928 года Георгий Савин был рукоположен во иерея епископом Кустанайским Тимоном (Русановым). После рукоположения о. Георгий был назначен священником к Покровской церкви в п. Сосна Мендыгаринского района Кустанайской области. В 1928 году уже как священника его лишают избирательных прав. Лишение избирательных прав означало многие ограничения, среди которых было невозможность участвовать в выборах, отсутствие пенсий, социальных пособий и т. д. На лишенных избирательные права налагали повышенные налоги, или как их называли «контрольные цифры». За невыплату налогов следовало раскулачивание, конфискация имущества и т. д. Подверглась раскулачиванию и семья о. Георгия Солопова. В 1929 году мы находим фамилию о. Георгия Савина в списке кулацких хозяйств Боровского района подлежащих раскулачиванию: «... Савин – служитель религиозного культа, вредитель и распускатель агитации, что тот, кто вступит в колхоз, тот продает душу, контрольных цифр не выполнил...».

После конфискации, по воспоминаниям Марии Георгиевны, родной дочери о. Георгия, все вещи и имущество продали на аукционе, оставив семью раздетую и без средств существования. По воспоминаниям Марии Георгиевны, односельчане выкупили валенки и старую шубейку и принесли им, т.к. совсем не в чем было выйти на улицу.

Вскоре после конфискации имущества арестовали и о. Георгия. Произошло это в 1930 году. Ему было предъявлено обвинение по ст. 58 УК РСФСР, а именно обвинение в дискредитации Советской власти и колхозного строительства. Решением суда о. Георгия Савина приговорили к одному году принудительных работ и трем годам ссылки. Отбывать наказание о. Георгия отправили в Аман-Карагайское лесничество на лесозаготовки. После принудительных работ в Аман-Карагае о. Георгий отправили в ссылку в Курганскую область в Усть-Уйский район.

В марте 1932 года семью о. Георгия Савина решением батрацкого - бедняцкого собрания выслали из Сосновского с/совета как «чуж-

дый элемент». Покинув п. Сосновский семья о. Георгия в 1932 году возвратилась в поселок Чернышевка, в котором они проживали до 1928 года. Через три года, в 1935 году из ссылки вернулся и о. Георгий. По воспоминаниям его дочери Марии Георгиевны, о. Георгий «... устроился в Чернышовке сторожить детдомовские бахчи, так как на другую работу его не принимали. ...».

23 октября 1937 года о. Георгия Савина арестовали. Его обвинили в том, что он нелегально проводил отправление религиозных обрядов не являясь зарегистрированным руководителем религиозной общины, используя нелегальные сборища для антисоветской агитации.

Свидетелями по уголовному делу выступили пять человек. Все показания свидетелей сводились к обвинению о. Георгия в религиозной агитации и пропаганде, которая заключалась в религиозных беседах и чтении Библии. 25 октября 1937 года, через день после ареста, допросили и о. Георгия. На допросе о. Георгий не подтвердил выдвинутые против него обвинения в религиозной пропаганде, а именно обвинения в том, что он проводил религиозную пропаганду среди женщин и занимался крещением детей. Свою вину в антисоветской агитации о. Георгий признал только в том, что в разговоре с неким уполномоченным он имел неосторожность сказать, что раньше крестьяне пахали землю сохами и урожай был лучше. В этом по мнению о. Георгия и заключалась его антисоветская агитация и пропаганда.

Во время следствия о. Георгий никого не оговорил, показаний против других лиц не давал. 02 ноября 1937 года постановлением тройки НКВД по Кустанайской области о. Георгий Савин был признан виновным в том, что вел антисоветскую агитацию и религиозную пропаганду, используя нелегальные сборища под видом отправления религиозных обрядов. На основании выдвинутых обвинений постановлением Кустанайской тройки УНКВД он был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 06 ноября 1937 года. Место захоронения о. Георгия не известно. Возможно до родственников дошли подробности расстрела о. Георгия. По воспоминаниям Марии Георгиевны, дочери о. Георгия, приговоренных к расстрелу вывезли в лес, заставили рыть длинную яму, поставили на краю и расстреляли. Возможно некоторые были ранены, их засыпали живыми, т.к. земля на этой могиле шевелилась и из под земли слышались стоны ...

Реабилитирован о. Георгий Савин 14 декабря 1989 года. Основания для реабилитации: осужден внесудебным органом по надуманным основаниям, вина материалами дела не доказана.

Монах

Владимир Емельянович Хохлов

(1979-1937гг.)

Владимир Емельянович Хохлов родился 8 июня 1879 года в с. Матвеевка Краснослободского уезда Пензенской Губернии. Известно, что до революции 1917 года о. Владимир был монахом. Неизвестно где и в какой обители он подвизался, где был пострижен в монашество и имел ли он священный сан. В 1917 году, с началом революционных событий, монах Владимир поселяется в п. Жуковка Кустанайского уезда и служит в местной церкви певчим. Проживал он в маленьком, не отапливаемом домике, который он сам построил из простых досок. Об этом вспоминала монахиня Анна (в миру Анастасия Запорощенко, 1915 г.р.) которая была знакома с монахом Владимиром еще с начала 20-х годов⁹. По воспоминаниям монахини Анны, она заходила к монаху Владимиру в его домик, когда приносила ему еду, которую готовила для монаха Владимира ее мама, Екатерина. При входе в дом, за порогом, висел гроб, который напоминал хозяину дома и всем входящим о бренности, суетности и скоротечности земной жизни. Монах Владимир по воспоминаниям Анны был очень незлобивым и кротким человеком. Бывали случаи, когда местные мальчишки дразнили его, даже кидали в него снежками, но монах Владимир всегда только улыбался в ответ.

Очень большой религиозностью, по воспоминаниям монахини Анны, отличались многие жители Жуковки. Даже в 20-е годы, как вспоминала монахиня Анна, как только зазвонят колокола, вся деревня бросала все дела и шла на службу. Это происходило в годы, когда по всей

9 Воспоминания монахини Анны записала псаломщица кафедрального Константино-Еленинского собора г. Костаная Валентина Костюк. Из воспоминаний В.В. Костюк о монахине Анне (2018 г.): *«Матушку Анну в миру звали Запорощенко Анастасия Васильевна, это по мужу. А девичьей фамилии ее я не помню. Она вышла замуж примерно в восемнадцать лет, мужа у нее убили на войне. Первого мужа звали Герасим. Она все его поминала, он похоронен в Харьковской области. А во второй раз она вышла замуж за Константина Запорощенко, и эту фамилию она носила до монашества, но постриг она приняла уже в 90 лет. Уже 11 лет как нет матушки Анны, похоронена она рядом с матушкой Кирой, протоиереем Николаем Пасько и епископом Тимоном (Русановым)...*».

стране государство боролось с Православной церковью, когда повсеместно устраивались гонения на верующих. Именно в разгар таких гонений, в 1927 году, церковь в п. Жуковка, в которой монах Владимир служил певчим, сгорела. Церковь в честь Казанской иконы Божией Матери в п. Жуковка была построена в 1899 году и по воспоминаниям современников была очень красивой. Церковь была деревянной, вмещала до 700 человек. Причины пожара неизвестны, но возможно церковь сгорела в результате умышленного поджога.

Любая религиозная деятельность в 20-30 годы могла послужить причиной к обвинению в религиозной пропаганде и приравнивалась к антисоветской деятельности. Обвинили в антисоветской агитации и религиозной пропаганде и монаха Владимира Хохлова. В 1930 году он был арестован ОГПУ по Кустанайской области, ему было предъявлено обвинение по 58-й ст. УК РСФСР. Около 10 месяцев его держали в Кустанайской тюрьме, но вина его не была доказана и о. Владимир был освобожден из-под стражи.

В 1937 году, в период массовых политических репрессий монах Владимир был повторно арестован. Его вновь обвинили в антисоветской агитации и религиозной пропаганде. Свидетелями по уголовному делу выступили несколько односельчан. Из свидетельских показаний известно, что монах Владимир служил молебны, читал по покойникам и часто пешком ходил в Кустанай на церковные праздники. Один из свидетелей утверждал, что монах Владимир в разговоре с женщинами, призывал их вспомнить старую, дореволюционную жизнь, когда все молились Богу, а потому и хорошо жили, у крестьян тогда всего было много, они ни в чем не нуждались как сейчас. По словам свидетеля, монах Владимир Хохлов говорил, что этой антихристианской власти скоро не будет, а вернется обратная старая жизнь и весь народ обратно будет молиться Господу Богу.

В уголовном деле имеется всего один протокол допроса о. Владимира Хохлова от 28 ноября 1937 года. В своих показаниях на следствии он отвергает все обвинения в свой адрес, а именно в том, что проводил антисоветскую пропаганду: «... *Антисоветской агитации не вел. За исключением того, что собирал женщин и рассказывал им, чтобы они молились Богу. Читал по покойникам...*».

Следствие по делу монаха Владимира Хохлова длилось всего один день и уже 28 ноября ему было предъявлено обвинительное заключение. В этот же день состоялось заседание тройки НКВД, на котором Владимир Емельянович Хохлов был приговорен к высшей мере наказания (ВМН) – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 29

ноября в 23 часа ночи. Место захоронения не известно. Реабилитирован в декабре 1988 года президиумом Кустанайского областного суда. Основания для реабилитации: «... в действиях Хохлова В.Е. не имеется признаков состава антисоветской агитации и пропаганды, привлечен он к уголовной ответственности необоснованно и репрессирован незаконно ...».

Священник Иоанн Филиппович Ермилов.
(1888-1937 гг.)

В октябре 1937 года в Кустанае сотрудниками НКВД был расстрелян священник о. Иоанн Ермилов. Расстрелян он был еще до завершения всех следственных мероприятий, до вынесения ему тройкой НКВД смертного приговора. Причиной его расстрела стала «ошибка» конвоиров, которые перепутали о. Иоанна Ермилова с другим заключенным, которого ранее приговорили к расстрелу. Вместо приговоренного к расстрелу заключенного и отвезли на расстрел о. Иоанна Ермилова. Священник Иоанн Ермилов стал одним из многих православных христиан Кустанайской области, пострадавших за веру во время гонений на церковь.

Священник Иоанн Филиппович Ермилов родился 30 марта 1888 года в п. Александровка Макшайского района Самарской губернии. Происходил он из обычной крестьянской семьи. В возрасте 22-х лет, после окончания в 1910 году Обшаровской церковно-учительской школы, Иван Ермилов назначается учителем Димитриевской школы, а в 1911 году он переводится на учительскую должность в двухклассную Сергиевскую ЦПШ г. Оренбурга, в которой велась подготовка учительских кадров для церковно-приходских школ Оренбургской губернии. В этом же году Иоанн Ермилов был рукоположен в сан диакона. 5 апреля 1912 года епископом Оренбургским и Тургайским Феодосием о. Иоанн Ермилов был рукоположен во священника и определен на священническое место к Иоанно-Богословской церкви хутора Новозерганского Орского уезда. 10 мая 1913 года, по предложению Преосвященнейшего Феодосия, епископа Оренбургского и Тургайского, о. Иоанн Ермилов был переведен в поселок Смирновский Кустанайского уезда, настоятелем церкви в честь Казанской иконы Божией Матери. С этого времени началось пастырское служение о. Иоанна на Кустанайской земле. В п. Смирновском о. Иоанн Ермилов прослужил до 1917 года. Из архивных материалов и из публи-

каций в еженедельнике «Оренбургские епархиальные ведомости» известно, что в 1912-1917 гг. за свою миссионерскую деятельность и за труды на благо церкви он неоднократно поощрялся епархиальным начальством. Продолжая служить настоятелем церкви в п. Смирновский, в 1915 году о. Иоанн Ермилов был утвержден в должности окружного миссионера. Так же он был членом благочиннического совета 5-го благочиния Кустанайского уезда. Около 1917 года о. Иоанн Ермилов распоряжением епархиального начальства был переведен в п. Банновский Кустанайского уезда, настоятелем храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы. В п. Банновский о. Иоанн прослужил 7 лет, до 1924 года. Это были годы, когда в результате военного переворота в стране сменился государственный строй и к управлению государством пришли представители богоборческих властей во главе с их вождем Владимиром Ульяновым (Лениным), которые с самого начала провозгласили курс на построение полностью атеистического государства. В Кустанайском уезде новая власть окончательно установилась в 1919 году.

В 1914 году было образовано Кустанайское викариатство в составе Оренбургской епархии. Кустанайские епископы-викарии проживали в Оренбурге и оттуда руководили кустанайскими приходами. Учитывая отдаленность Оренбурга от Кустаная (более 1500 км. по железной дороге) в 1920 году кустанайское духовенство и миряне стали повсеместно высказываться за вхождение кустанайского викариатства в состав недавно образованной Челябинской епархии. Осенью 1920 года в Челябинск были направлены два уполномоченных - о. Иоанн Ермилов и мирянин Старожилов, с тем чтобы они огласили на епархиальном собрании, которое состоялось в Челябинске в октябре-ноябре 1920 года, просьбу кустанайских верующих о вхождении кустанайского викариатства в состав Челябинской епархии. Просьба кустанайских верующих была поддержана епископом Челябинским Дионисием (Прозоровским) и епархиальным собранием Челябинской епархии.

В 1924 году о. Иоанн покидает кустанайскую землю и вместе с семьей переезжает в Троицк. К этому времени в семье о. Иоанна и у его супруги Марии Петровны было уже 7 детей: дочь Антонина (14 лет), сын Геннадий (11 лет), сын Петр (7 лет), сын Дмитрий (5 лет), дочь Вера (4 года) и сын Сергей, который родился в 1924 году. В Троицке о. Иоанн служит священником в Александро-Невском соборе.

В 1925 году о. Иоанн Ермилов вместе с другими священнослужителями Александро-Невского собора задерживается милицией за нахождение на собрании баптистов. Вероятно, причиной ареста стали жалобы

баптистов, которым не понравилось присутствие православных священнослужителей на своих собраниях. Как пояснил на следствии о. Иоанн Ермилов, он присутствовал на собраниях баптистов с тем, чтобы иметь возможность получше разобраться в их учении, а также с тем, чтобы впоследствии можно было более грамотно вести с ними диспуты и дискуссии и доказывать им правильность православного вероучения. После задержания обвинение о. Иоанну предъявлено не было, он был отпущен под подписку о не выезде, а впоследствии уголовное дело в отношении него было закрыто.



Фото. Священник Иоанн Ермилов.

В Александро-Невской церкви г. Троицка о. Иоанн прослужил до 1932 года. В 1932 году многих священнослужителей собора арестовали. Был арестован и о. Иоанн Ермилов. В отношении о. Иоанна было заведено отдельное уголовное дело. Ему предъявили обвинение по 58-й статье УК РСФСР, а именно обвинение в контрреволюционной агитации и религиозной пропаганде. На следствии о. Иоанн отрицал все выдвинутые против него обвинения. Признал он свою вину только в том, в частных беседах он выступал с критикой в отношении редколлегии еженедельника «Безбожник». Как пояснял на следствии о. Иоанн, в данном журнале постоянно публикуется кощунственная с точки зрения верую-

щих, необъективная и недостоверная информация о Православной церкви и о православном вероучении. В апреле месяце 1932 года следственные действия в отношении о. Иоанна Ермилова были закончены и материалы уголовного дела были переданы на внесудебное рассмотрение Особого совещания при ОГПУ. Заседание Особого совещания ОГПУ состоялось только в сентябре 1932 года, т. е. спустя 5 месяцев с момента

окончания следствия. Все это время о. Иоанн Ермилов находился в заключении тюрьме города Троицка. Постановлением Особого совещания от 7 сентября за контрреволюционную агитацию и религиозную пропаганду по 58-й статье УК РСФСР о. Иоанн Ермилов был приговорен к 5 годам ссылки в Казахстан. После вынесения приговора о. Иоанн этапом был отправлен в Алма-Ату, в пересыльный пункт. Из Алма-Аты его отправили отбывать ссылку в Северо-Казахстанскую область, в п. Пресновку. Известно, что находясь в ссылке, в п. Пресновка, о. Иоанн работал статистиком-счетоводом райздравотдела.

В августе 1937 года, т. е. за несколько недель до окончания срока своей ссылки, о. Иоанн Ермилов был арестован сотрудниками Пресненского НКВД и доставлен под конвоем в Кустанай. Арестован он был по групповому делу церковников Кладбищенской церкви г. Кустаная. В августе-октябре по данному уголовному делу были арестованы 21 человек из числа духовенства и прихожан Кладбищенской Косьмо-Дамиановской церкви. В числе арестованных по этому делу был арестован и о. Иоанн Ермилов. Отец Иоанн не являлся клириком Кладбищенской церкви, но как было известно следствию, после окончания своей ссылки он собирался приехать в Кустанай, где проживала его семья. Так же он предполагал устроиться священником в Кладбищенскую церковь. Об этом сообщали в своих доносах тайные информаторы.

По версии следствия о. Иоанн Ермилов был руководителем нелегальной церковной организации в п. Пресновском СКО и дважды, в 1936-37 гг. приезжал в Кустанай, где встречался со священниками Кладбищенской церкви г. Кустаная. В уголовном деле нет протоколов допроса о. Иоанна, но в обвинительном заключении указано, что свою вину на следствии он не признал. Вероятно, как к не признающему свою вину к о. Иоанну Ермилову применялись особые пытки и истязания, которые практиковались в Кустанайской следственной тюрьме в 1937-38 гг. Известно, что подсудимых, не признающих свою вину, помещали в штрафной изолятор при следственной тюрьме, с крайне суровыми условиями содержания. Находился в штрафном изоляторе перед расстрелом и о. Иоанн Ермилов. Именно в штрафном изоляторе его и перепутали с другим заключенным, которого ранее уже приговорили к расстрелу. В ночь на 4 октября, когда расстрельная команда грузила в машины приговоренных к расстрелу, то вместо приговоренного к расстрелу заключенного Федора Ермолаева конвоиры отправили на расстрел о. Иоанна Ермилова.

О том, что расстреляли не того человека узнали только на следующий день, когда следователь вызвал на очередной допрос о. Иоанна

Ермилова. Ни в камере, ни в штрафном изоляторе о. Иоанна Ермилова не оказалось. Инициированная проверка показала, что о. Иоанна по ошибке расстреляли. Были допрошены сотрудники НКВД, которые участвовали в конвоировании и расстреле заключенных в тот день, когда был расстрелян о. Иоанн Ермилов. Как пояснили конвоиры, данная ошибка произошла по причине их невнимательности, а также из-за большого числа приговоренных к расстрелу. Особой вины в произошедшем виновные в «ошибочном» расстреле не увидели, т. к., по их словам, о. Иоанн Ермилов, несмотря на то, что он не признавал свою вину, все-равно был намечен следователями к расстрелу, и был бы расстрелян через несколько недель по решению тройки НКВД. Никто из виновных в ошибочном расстреле о. Иоанна Ермилова не был наказан. 18 октября было закончено следствие по групповому делу церковников Кладбищенской церкви, по которому был арестован о. Иоанн. 21 октября семь человек из числа арестованных по делу церковников Кладбищенской церкви были приговорены к заключению в ИТЛ на 10 лет, четырнадцать человек, в том числе и о. Иоанн Ермилов были приговорены к расстрелу, т. е. приговорили о. Иоанна к расстрелу спустя две недели после его смерти.

В ноябре 1937 года аресты среди прихожан и духовенства Кладбищенской церкви г. Кустаная продолжились. По новому уголовному делу было арестовано еще 18 человек. Все они 21 ноября по приговору тройки НКВД были приговорены к расстрелу. Всего в августе-ноябре 1937 года было арестовано 39 человек из числа прихожан и священнослужителей Кладбищенской Косьмо-Дамиановской церкви г. Кустаная. 32 человека из числа арестованных были расстреляны, 7 человек приговорены к заключению в ИТЛ. В середине 50-х годов все приговоренные к исправительным работам были реабилитированы, в том числе Евдокия Липунцова (монахиня Евпраксия), монахиня Софья Пятак и другие. Реабилитация приговоренных к смертной казни состоялась только в конце 80-х годов 20-го века. В сентябре-октябре 1989 года все приговоренные к смертной казни по делу церковников Кладбищенской церкви были полностью реабилитированы. Был реабилитирован и о. Иоанн Ермилов. Из постановления о реабилитации от 28 сентября 1989 года: *Ермилов Иоанн Филиппович арестован 21 августа 1937 года. Обвинение не предъявлялось. Решение по делу не имеется. Основания реабилитации – вина Ермилова И.Ф. материалами дела не доказана, обвинение построено на домыслах предварительного следствия. С учетом изложенного и то, что решение тройки является незаконным, проходящий по делу Ермилов Иван Филиппович подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах*

по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40 начала 50-х годов...

Священник Лаврентий Иосифович Солопов
(1887-1937 гг.)

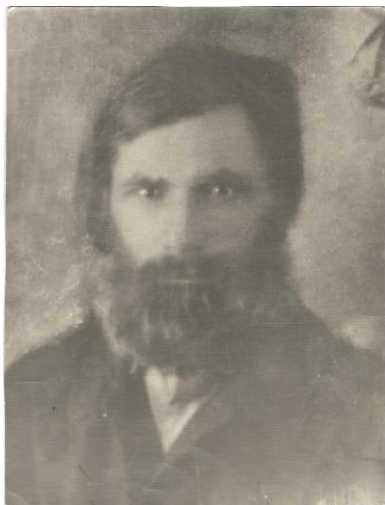


Фото 1. *Священник Лаврентий Солопов.*

Священник Лаврентий Солопов родился 08 августа 1887 г. в п. Борис-Романовка Мендыгаринского района Кустанайской области. Запись о рождении Лаврентия Солопова можно найти в метрической книге Свято-Никольской церкви Кустаная (Ново-Николаевска) за 1887 год. Его родителями были запасной рядовой Иосиф Федорович Солопов и его законная супруга Ирина Андреевна. В метрической книге указано, что крестил Лаврентия священник Василий Гиляров, который был первым штатным священником на Кустанайской земле с 1884 года. Родители Лаврентия были очень верующими и благочестивыми людьми. Его отец, Иосиф Федорович был членом попечительского совета при Михайло-Архангельской церкви в п. Борис-Романовка и за усердные труды во благо церкви ему неоднократно преподавалось архипастырское благословение, записи о чем можно найти в Оренбургских епархиальных ведомостях. В вере и благочестии воспитали они и своих детей: дочь Марфа стала монахиней, насельницей Иверского женского монастыря, а Лаврентий вскоре после женитьбы на своей односельчанке, Марфе Силантьевне (в девичестве Масленниковой), поступает на церковную службу, певчим церковного хора. Певчим в Борис-Романовской церкви Лаврентий прослужил почти двадцать лет, с 1906 до 1926 год.

С установлением советской власти начались гонения на Православную церковь. Антирелигиозная пропаганда, закрытие храмов, ар-

сты православного духовенства были частым и повсеместным явлением в 20-30 годы. По советскому законодательству 20-30 годов православное духовенство и церковные служащие были лишены избирательных прав. Лишение избирательных прав влекло за собой многочисленные ограничения в социальной сфере, в частности это означало невозможность устроиться на государственную службу, повышенные налоги, не выплату пособий пенсий и т.д.. Был лишен избирательных прав и Лаврентий Солопов. Для восстановления в избирательных правах необходимо было покинуть церковную службу и публично отказаться от православной веры. Лаврентий Солопов в это тяжелое время не оставляет церковную службу, он продолжает служить певчим в Михаило-Архангельской церкви. В 1926 году он переводится на должность псаломщика в этой же церкви, а в 1928 году он получает предложение от епископа Кустанайского Тимона (Русанова) стать священником. Лаврентий принял предложение владыки и после хиротонии, которую провел епископ Тимон (Русанов), он был определен настоятелем к церкви в п. Прохоровка Джетыгаринского района Кустанайской области.

В 1929 году о. Лаврентия Солопова в первый раз арестовали. Ему предъявили надуманное, ничем не обоснованное обвинение по 58-й статье УК РСФСР, а именно обвинение в антисоветской агитации и религиозной пропаганде. Около 10 месяцев о. Лаврентий Солопов находился в заключении, но дело до суда так и не дошло — его освободили за недоказанностью. Вполне возможно, что арест о. Лаврентия был инспирирован местными властями с целью закрытия церкви в п. Прохоровка, в которой он служил настоятелем. После освобождения о. Лаврентий вместе с семьей возвратился в свое родное село, в п. Борис-Романовку, где и продолжил свое священническое служение в местной Михаило-Архангельской церкви.

Преследования со стороны местных властей продолжились и на родине, в Борис-Романовке. В начале 30-х годов всех священнослужителей приравнивали к кулачеству и обложили их очень высокими налогами, налогами настолько высокими, что оплатить оказалось невозможно. Не смог оплатить повышенные налоги, наложенные местными властями и о. Лаврентий Солопов. В 1931 году за невыплату налогов по 61 ст. УК РСФСР он был приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). По приговору суда все имущество было конфисковано, а его многодетная семья оказалась без средств к существованию.

К этому времени в его семье было уже 7 детей: дочь Елена (1911 г.р.), дочь Ефросинья (1913 г.р.), сын Андрей (1916 г.р.), сын Алексей (1920 г.р.), дочь Анастасия (1923 г.р.), сын Павел (1926 г.р.), сын Иван (1929

г.р.). Только помощь родственников и неравнодушных граждан помогли пережить им это тяжелое и трудное время.



Фото 2. Фотография семьи священника Лаврентия Солопова, ноябрь 1936 года.

В 1936 году о. Лаврентий вернулся из заключения. После освобождения он непродолжительное время работал в Боровском лесхозе рабочим, а потом и в школе крестьянской молодежи (ШКМ) чернорабочим. В марте 1937 года о. Лаврентий вместе с семьей переехал в Кустанай, где проживал на квартире своей родной сестры монахини Марфы Солоповой. Проживая в Кустанае и имея большую семью о. Лаврентий вынужден был братья за любую работу. Известно, что одно время он работал почтальоном, а перед арестом в ноябре 1937 года он работал плотником в областной больнице им. Ленина.

В 20-30 годы за православным духовенством велась постоянная слежка со стороны спецслужб. Велось наблюдение и за о. Лаврентием. В конце декабря 1936 года в Кустанайское УНКВД поступило несколько донесений от тайных информаторов о том, что священник Лаврентий

Солопов осенью 1936 года крестил детей в Борис-Романовке. Эти и другие доносы не остались без внимания сотрудников НКВД. Осенью 1937 года ими были опрошены свидетели, которые показали, что о. Лаврентий действительно занимался крещением детей. Других фактов контрреволюционной агитации свидетели не привели.

Арестовали о. Лаврентия Солопова 20 ноября 1937 г. и в тот же день он был допрошен. Следователи требовали его признаться в антисоветской агитации и религиозной пропаганде. Отец Лаврентий не стал отрицать факт антисоветской агитации, которая, по его словам, заключалась в том, что он иногда говорил, что раньше, при царском режиме простым людям жилось лучше, что нужно обязательно верить в Бога и подчиняться власти какой-бы она не была. В данном случае о. Лаврентий Солопов процитировал послание апостола Павла к римлянам (Рим. 13,1): *“Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога: существующие же власти от Бога установлены”* (Рим. 13,1). Также он не стал отрицать факт крещения детей, о которых было уже известно следствию по доносам от тайных информаторов и от жителей п. Борис-Романовский. На допросе о. Лаврентий никого не оговорил, показаний против других лиц не давал. Признание о. Лаврентием своей вины не привело к дальнейшим арестам других лиц. Вполне возможно следствие и предполагало арестовать кого – либо из близкого окружения о. Лаврентия. Так из показаний свидетелей известно, что рядом с домом, где проживал о. Лаврентий, проживал его хороший знакомый, бывший псаломщик Борис-Романовской церкви диакон Никифор Осипов. Возможно, только благодаря тому, что о. Лаврентий не давал на следствии никаких показаний против других лиц, после его ареста не были арестованы ни его родная сестра, монахиня Марфа Солопова, ни диакон Никифор Осипов, никто-либо другой. Не назвал о. Лаврентий на следствии и никого из священников кустанайской Кладбищенской церкви, с которыми безусловно встречался и был знаком.

Следствие по уголовному делу о. Лаврентия Солопова продолжалось всего один день. Уже 21 ноября, на следующий день после ареста было готово обвинительное заключение, в котором было указано, что священник Лаврентий Солопов проводил антисоветскую агитацию, которая заключалась в восхвалении старой (дореволюционной) жизни, а также занимался крещением детей. 28 ноября состоялось заседание тройки НКВД. Постановлением тройки НКВД по Кустанайской области от 28 ноября 1937 года за антисоветскую пораженческую агитацию и религиозную пропаганду священник Лаврентий Солопов был приговорен к расстрелу. Смертный приговор был приведен в исполнение 29 ноября

в 11 часов ночи в окрестностях Кустаная. Точное место захоронения о. Лаврентия Солопова, как и многих других, расстрелянных в те годы, не известно.

Родным и близким ничего не сообщили о смерти о. Лаврентия Солопова. Дочь Анастасия впоследствии неоднократно писала письма в различные инстанции с целью узнать судьбу своего отца, но все ее прошения остались без ответа. О судьбе о. Лаврентия Иосиповича Солопова родные узнали только в конце 80-х годов, когда в местной областной газете были напечатаны фамилии реабилитированных граждан, пострадавших в годы репрессий. В списке среди фамилий пострадавших была и фамилия о. Лаврентия Иосиповича Солопова. Священник Лаврентий Солопов был полностью реабилитирован Кустанайским областным судом 14 декабря 1988 года. Рассмотрев уголовное дело 1937 года в отношении Солопова Лаврентия Осиповича суд постановил, что выводы о его виновности не подтверждены материалами дела, в связи с чем он был репрессирован незаконно. В постановлении о реабилитации также указано, что в уголовном деле не содержится никакого признака состава преступления, предусмотренного ст. 58 УК РСФСР, а «поэтому следует признать, что обвинение было построено на домыслах органов следствия».

В 1925-30 гг. епископом Кустанайским Тимоном (Русановым) было рукоположено несколько священнослужителей. Кроме о. Лаврентия Солопова были рукоположены во иерея о. Петр Безногов, о. Георгий Савин, во диакона о. Никифор Осипов. В последующем, в 20-30 гг. все они были репрессированы. Диакон о. Никифор Осипов в 20-40 годы неоднократно арестовывался и больше 10 лет провел в тюрьмах и ссылках. В 1951 году его приговорили к 25 годам ИТЛ, что равнозначно было вынесению ему смертного приговора. Священники о. Лаврентий Солопов, о. Петр Безногов, о. Георгий Савин по приговору троек НКВД в 1937 году были приговорены к смертной казни. Все они до конца прошли свой крестный путь и всей своей жизнью, своей мученической смертью засвидетельствовали свою верность Православной церкви и Господу нашему ИИСУСУ ХРИСТУ.

МАТЕРИАЛЫ II-й ПРАВОСЛАВНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ТИМОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ».

КОСТАНАЙ
1-2 ИЮНЯ 2023 г.

Редактор: *иеромонах Геннадий (Бурдюжа)*

Обложка: *К. Тё*

Фотографии: *Р. Акзамов*

Корректор: *А. Ковалёва*

Подписано в печать 20.11.2023

Формат 14x20,5

Уч. издат. листов 6,5

Тираж 100

Гарнитура *Times New Roman*

Заказ № 1109

Отпечатано способом цифровой печати с
готовых файлов заказчика в ТОО «Костанайский печатный двор»
Адрес типографии: 110003, г. Костанай, ул. Темирбаева, д.39

ISBN 978-601-227-317-5



9|786012||273175|



1-2 июня 2023 года, по благословию митрополита Астанайского и Казахстанского Александра, в Костанае, в Духовно-Культурном центре имени исповедника веры епископа Тимона [Русанова] состоялась международная научно-практическая конференция «Тимоновские чтения», в которой с докладами выступили сотрудники епархиального отдела по Канонизации святых, историки, краеведы из Казахстана и России.

